

A black and white close-up portrait of Igor Kalinauskas. He has a beard and is looking slightly downwards with a thoughtful expression. His hand is resting near his chin. The lighting is dramatic, highlighting the texture of his skin and hair.

ИГОРЬ
КАЛИНАУСКАС

**Свет
вылепил
меня
из тьмы**

Игорь Калинаускас

Свет вылепил меня из тьмы

«Автор»

2017

УДК 159.9
ББК 88.3

Калинаускас И. Н.

Свет вылепил меня из тьмы / И. Н. Калинаускас —
«Автор», 2017

ISBN 978-5-99089-841-7

Игорь Калинаускас, пожалуй, самая известная и значительная фигура в современной практической эзотерике. Один из «монстров», вошедших в прогремевшую в 90-е годы книгу Влада Лебедько «Хроники российской саньясы». Психолог, доктор наук, писатель и эксклюзивный консультант многих известных людей. Сегодня Игорь Калинаускас раскрывает карты: все от самых ярких моментов биографии, до секретов потенциальных возможностей человека – в его новой книге «Свет вылепил меня из тьмы». Каждый найдет в ней то, что ищет: кто-то интригующие подробности жизни мастера, кто-то инструкцию по саморазвитию, кто-то сделает открытия, меняющие жизнь. В ваших руках книга человека, который не скрывает, что знает, все что хотел знать. Умеет, все что хотел уметь, делает то, что хочет делать и уверен, что так жить может каждый. Было бы желание, а счастье всегда рядом.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-99089-841-7

© Калинаускас И. Н., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Часть первая. Духовное сообщество	6
Это слово «традиция»	6
Восхождение – целевое бытие	12
Сообщество одиночек?	14
Судьба – диалог с реальностью	15
Воля и целеполагание	16
А есть ли смысл?	17
Дух и душа	20
Едино в двух мирах	24
Пространство знания	30
Пространство любви	31
Пространство присутствия	31
Целевое бытие. Тотальное бытие	32
Духовные пути	34
Часть вторая. Духовность как способ жить	38
Идея духовности	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Часть первая. Духовное сообщество

Это слово «традиция»

Я расскажу вам.

Я расскажу вам свою биографию. Но не в том смысле – родился, женился, умер. Постараюсь рассказать о тех событиях и переживаниях, которые, как мне видится, были для меня значимыми. А то про мою биографию тоже легенд более чем достаточно. Пора уже внести в этот вопрос ясность... Первый значительный факт, наверное, состоит в том, что до пяти лет я о себе ничего не помню. Вообще ничего. Знаю только, что родился в городе Новгороде, что роддом был в барже и что отец быстро забрал нас с мамой оттуда, потому что там бегали крысы, одному младенцу отгрызли ухо. Но это все рассказы... Никаких засечек в активной памяти не существует, просто чистый лист, пустое пространство.

Первое воспоминание относится к пятилетнему возрасту, и оно очень короткое: мы на извозчике едем от вокзала до первой квартиры, на которой мы жили в Вильнюсе. По полуразрушенной улице Шопена. Но я не знал, что это улица Шопена, потом узнал. Следующие воспоминания относятся к возрасту где-то в пять с половиной лет. Их тоже не очень много. Это вторая квартира, у которой была общая с кабинетом отца передняя. Входишь, налево – кабинет прокурора литовской железной дороги, а прямо – вход в нашу квартиру. Помню стол, под которым мы с братом (он был младше меня на два года) любили играть.

Еще картинка – мне уже шесть лет, весна. Мы греемся на солнышке, загораем на крыше этого дома.

С мальчишками. Потом «роман» в последней группе детского сада... Длинный такой роман: в детском саду начался, в первом классе закончился. В общем, помню, что атмосфера у нас в этом возрасте по части противоположного пола была очень сексуальная, такая, я бы сказал, вольная. Что еще... Депо, где мы собирали медную проволоку и какие-то куски меди, сдавали их в утиль и на эти деньги покупали мороженое или ходили в кино. Кинотеатр в один этаж такой, барак. Там я смотрел «Маленького Мука» – фильм такой, который американцы подарили.

Будущая моя школа, к которой – как, это уже осень? Да! – подвозили на лошади с телегой ящики с лимонадом, в бутылках с фарфоровой пробкой, как сейчас у пива «Гролш». Мы их воровали, выпивали лимонад и разбивали бутылки для уничтожения следов. Потом последнее мгновение, несколько минут перед тем, как меня столкнули в лестничный пролет – мы стоим на площадке, а вниз идет лестница в подвал. Подвал очень глубокий, лестница в два пролета, над первым пролетом окно, заложенное мешком с опилками, и мы из самодельных луков туда стреляем. Кто-то меня толкает. Следующее, что помню: я лежу внизу в подвале, в каморке дворника. На мне разорвана рубашка, и меня поливают водой. Следующее: уже больница. Побегу через окно на картофельное поле, картошка в тумбочке.

Потом мы попрошайничали на улице. Если бы меня отец застукал, я не знаю, что бы было. Я спрятал руку за спину, ребята надели на меня рубашку, и я сел, положил перед собой кепку и так насобирал нам всем на кино и мороженое. Помню тайные свидания с девочкой, с которой у меня была «любовь» в детском саду. Это было уже в первом классе. Я приходил к ней, когда не было родителей, и мы играли в эротические игры. Помню, как залез в вентиляционную систему. Это был старый дом немецкой постройки, и вентиляционные шахты в нем были, как в американских боевиках. Я пробрался к какому-то окошку в классе, где шел урок, ученики меня видели, а учительница нет. Я корчил там рожицы, и весь класс начал ржать. В конце концов меня засекли, вызвали, привели к директору – очень суровый мужчина! – и

он отправил меня домой за родителями. А мы уже переехали на другую квартиру, от школы довольно далеко. Я шел и думал, как я приду домой и что со мной сделает папа, потом долго стоял в подъезде и строил планы. И вдруг в подъезд вошел наш директор. Увидел меня и говорит: «Николаев, ты чего это тут стоишь?» Я начал что-то ему объяснять, как попаду к отцу, что я ему скажу и вообще... «Ладно, – вздохнул директор, – я тебя прощаю».

Ничего интересного потом, какие-то годы такие... Ну разве что двор, где в одном месте на стене были глубокие, вполкирпича, выемки – до самого чердака высокого трехэтажного дома. По этим выемкам мы залезали на чердак.

И еще помню, как в сарае, который принадлежал нашей квартире, я нашел обойму пистолетных и обойму винтовочных патронов, серебряный крест фашистский и еще два каких-то крестика, награды. Поменял их на марки. А патроны мы разобрали и жгли порох в костре... Помню огород, откуда мы таскали помидоры, помню вкус этих помидоров. Кладбище, заросшее, старое, на котором мы собирали кленовый сок. Марки собирал, помню... Один раз, помню, мама сгоряча мне сказала: «Домой не возвращайся, если что-то с тобой случится!» – и я не возвращался. Ушел к своему однокласснику. Потом не выдержал, побежал в окно смотреть, увидел, что мама переживает, нервничает...

Мы выросли в ситуации, в которой духовные традиции практически отсутствуют. Знания о них пришли к нам в основном из книг. Только некоторые из нас имели возможность встретиться и общаться с живыми носителями традиции, поэтому и возник большой перекокс в понимании того, что есть духовное сообщество и что есть сами духовные традиции.

Первый критерий, который мы можем ввести для того, чтобы рассматривать любой вариант совокупности данных под названием «духовная традиция», – это сравнение предлагаемых моделей жизни по уровню сложности. Если модель, которая предлагается в качестве духовной жизни, проще, структурно примитивнее, чем жизнь, которой мы все живем, то эту модель сразу можно отнести в разряд «убежища».

Использование знаний духовной традиции или специально заново организованной системы знаний для создания модели жизни, структурно более простой, однозначной и не имеющей внутренних противоречий, указывает на то, что человек не справляется со сложностью внешнего или сложностью внутреннего мира. И как показывает практика, большинство людей, произнося слово «духовность», имеют в виду именно такую ситуацию.

Это очень важно. Использование духовной традиции, духовной культуры в качестве убежища и является наиболее распространенным вариантом.

Оформляются эти варианты обычно с помощью самой разнообразной мотивации:

- стремление к самосовершенствованию;
- восхождение «к чему-то там небесному»;
- нисхождение «к чему-то там сатанинскому».

Независимо от мотивационного оформления, от того, во имя чего и зачем, при анализе обнаруживается, что человек пытается создать себе или психологическое, или практическое жизненное убежище. Он упрощает свою внешнюю ситуацию за счет специально организованного внешнего мира (например, секта, община) или свою внутреннюю организацию за счет создания внутренне непротиворечивого, структурно простого мира, тем самым уходя от напряжения, сложностей и противоречий, и в любом случае оказывается в убежище. Чаще всего оправданием подобного «ухода» служит такой мотив, как самосовершенствование.

Сверхценностью, как правило, становятся переживания. Все содержание духовности как убежища сводится к «особым переживаниям», которые объявляются сверхценностными, или же к переживаниям общения, к простой, ясной структуре общения по принципу «все мы хорошие, все мы любим друг друга, все мы мирные и тихие». Необходимость убежища осо-

знается как со стороны рационального знания, так и со стороны духовной традиции. Существует категория людей, которые время от времени нуждаются в такого рода убежищах, и поэтому эти убежища существуют, существовали и будут существовать. Но когда человек, претендующий на серьезное отношение к традиции и к духовному сообществу, пытается свести всю задачу духовной традиции к убежищу, это просто выдает его незнание.

Если бы это было так, то есть если бы столь структурно упрощенная духовная жизнь была возможна, то духовное сообщество давно перестало бы существовать. Оно сохранилось бы просто как абстрактная идея или в виде отдельных общин, которым удавалось бы существовать более или менее долго, но производить ту продукцию, которую человечество получает от духовного сообщества, они бы не смогли.

Прежде всего разграничением между духовным убежищем и духовной традицией как таковой является понятие работы и пути. Подлинным содержанием духовной традиции, естественно, является движение к истине. Любая духовная традиция, в какой бы форме она ни представала перед нами, в первую очередь является предложением пути к истине. Основной ценностью любой духовной традиции является истина в том качестве, в котором она определяется в соответствии с принципом времени, места и людей. Любая живая духовная традиция содержит в себе рефлексию о том, что достижение истины – это самая сложная из всех сложных задач, которые человек может поставить перед собой.

Естественно, что сам путь и жизнь на этом пути содержат огромное количество деталей, конкретного содержания, конкретных противоречий, опасностей, соблазнов, спадов и подъемов. Описание этого пути содержит не меньшее количество подробностей, эмоций и тому подобного, чем описание любой жизни вне традиции. Это первый разделительный рубеж. Если в убежище истина как достижение только декларируется, а основными ценностями являются моменты переживания, то в духовной традиции как таковой, на Пути, существует лишь единственная ценность – истина. Все остальное обесценивается. Иногда это обесценивание, при неправильном понимании технологии и отсутствии достаточно полного знания, приводит к таким срывам, как глубинный цинизм, деструктивные влияния на человека и т. д. Путь полон опасностей.

Эти опасности и эти препятствия, преодоление их, а также сопутствующие этому переживания и открытие в себе каких-то способностей и возможностей – все это обесценено тем, что единственная ценность, осознаваемая как смысл, к которому все устремлено, собрано, сконцентрировано, – это истина в той формулировке, которая принадлежит данному духовному учению. А поскольку путь продолжителен, то существует огромный разброс между людьми: одни находятся в этом месте, другие в том, есть остановившиеся, движущиеся, движущиеся назад, непрошедшие, погибшие, живущие – это огромный мир со всеми признаками живого, конкретного, а не абстрактное «вообще».

Этот мир не переносится в книгу: книги учений духовных традиций, как правило, содержат в себе выжимку, то есть такую формулировку истины, как она формулируется в данной традиции. Иногда в книгах более или менее полно излагается структура пути (основные этапы) и некоторое количество технологических знаний, которые данная традиция считает возможными для передачи в тексте или через текст. Но в любом случае текст чаще всего предназначен для работы с **ним**, а не просто для «познавательного» прочтения. Когда вы сталкиваетесь с материалом, который по всем своим признакам не принадлежит к этой жизни (то есть к жизни Великого Среднего), то прежде всего следует сориентироваться – что вы сами ищете и **что вам** предлагают: убежище, где первый признак – это простота, структурная обедненность, отсутствие конкретики и максимальная абстрагированность, или Путь. Путь – это ключевое слово, он изначально подразумевает протяженность во времени и отсутствие гарантий того, что цель обязательно будет достигнута, а также всякие сопутствующие сложности, требующие работы, руководства инструкторов, учителей и проводников,

требующие для своего осуществления огромной структуры под названием духовное сообщество, сообщество живых носителей традиции.

Второй критерий состоит в том, что наличие такой мотивации, как самосовершенствование, показывает на непричастность предлагаемого знания к реальной духовной традиции. Из предыдущего ясно, что духовная традиция как Путь не может предложить идею самосовершенствования – она может предложить идею постижения истины, становления истины и слияния с истиной, то есть идею такого состояния, когда бытие субъекта и бытие истины становятся тождественными, но она не может предложить идею самосовершенствования **как** таковую. Это очень важно.

Правда, возможен вариант, когда людей заманивают, понимая, что другая мотивация им просто недоступна, и поэтому предлагается некая система самосовершенствования с расчетом на то, что некоторая часть людей, вовлекаемая в идею совершенствования, потом обнаружит в себе более глубокую мотивацию. Или же дело действительно в том, что в предлагаемом знании от духовного сообщества осталась только внешняя оболочка – словесная или формальная. По существу дела, это не имеет отношения к духовной традиции.

Между идеей постижения и идеей самосовершенствования лежит пропасть. Это совершенно разные вещи. Если мы встречаемся с материалом, опирающимся на идею самосовершенствования, то в лучшем случае перед нами продукт, созданный в духовной традиции и отданный во всеобщее пользование. Вот один из последних свежих примеров: сейчас в психотерапии у нас, и в особенности у американцев, стала модной «самая современная и прогрессивная» методика под названием «нейролингвистическое программирование». Эта методика – часть одного из буддийских путей. Когда-то этот материал был секретным и сугубо эзотерическим, сейчас он оформлен в приемлемой форме и существует в психотерапии. Также всем известна аутогенная тренировка. Это материал, сделанный в раджа-йоге. Хатха-йога, которую печатают в наших журналах, имеет отношение к живой традиции хатха-йоги только как продукт, произведенный этой традицией. Потому что если хатха-йога – это действительно духовный путь, в чем у нас нет оснований сомневаться (хотя нет и особых оснований утверждать), то он не может предложить идею самосовершенствования. А если мы попытаемся выяснить, через кого к нам пришла эта «наша» хатха-йога и что написано о ней в современных книжечках, то увидим, что в них изначально заложена только столь популярная идея самосовершенствования.

Каков смысл этого продукта? Первое – это помощь, товар, которым в соответствии с законом «время, место, люди» духовное сообщество обменивается с Великим Средним, внутри которого оно находится. Это результаты исследования, результаты работы. В духовном сообществе существует свое понимание работы и продукции. Здесь все сосредоточено на человеке, на человеческом бытии и на взаимоотношении между человеком и реальностью, между человеком и истиной. А поскольку духовное сообщество – это тоже часть человечества, то продукты усовершенствованных технологий, поисков и знаний контролируемо или, иногда, неконтролируемо поступают в Великое Среднее и входят в оборот общей жизни.

Таким образом, мотивация указывает на то, что же конкретно предлагается: убежище или Путь. Мотивация, сформулированная как идея некоего самосовершенствования, явно указывает нам на технологический продукт.

Это важно помнить. Никакого совершенствования в духовной традиции нет.

Происходящие изменения могут выглядеть для постороннего наблюдателя как совершенствование, но внутри самой традиции нет ни такой формулировки, ни рефлексии, поскольку единственная ее цель – постижение. Трансформации, которые происходят при этом, необходимы для того, чтобы произошло постижение, они побочный продукт, следствие прохождения определенных этапов и не являются даже временной целью, потому что совершенна только истина.

Третий критерий связан с полным отсутствием у нас непосредственного соприкосновения с живыми носителями традиции. Мы выросли в обстановке гонения и искоренения любых проявлений деятельности духовного сообщества, и поэтому наше представление о живом носителе традиции – это лубочная картинка или, в лучшем случае, художественный образ, очищенный от своей конкретности. Взять, скажем, скульптуру Будды. И то, если как следует порасспрашивать людей, как они себе представляют Будду, то выяснится, что даже скульптуру они видят не полностью. Масса людей совершенно не помнит, что Будда на большинстве скульптур полный, а по некоторым пониманиям даже, страшно сказать, толстый. А Лао-цзы так просто пузатый толстячок.

Мы с вами можем пройти мимо живого носителя традиции – он для нас неопознаваем. Если же его легко опознать, если он полностью соответствует нашему художественному образу, то это, как правило, шарлатан.

Это естественно, потому что шарлатан знает, в каком виде перед нами надо предстать. Очень редко это человек, специально работающий над образом, как, скажем, Раджниш, он во втором этапе своей работы стал использовать особые костюмы и театр, создав такой образ, который помог ему еще больше спрятаться за опознаваемость. Обычно живой носитель для нас неопознаваем. Поэтому мы бросаемся из крайности в крайность. Те из нас, кто столкнулся с суфийской традицией, готовы видеть суфиев в каждом сумасшедшем, в каждом пьяном. Когда ты уже понимаешь, что у тебя нуль знаний, ты готов на все. Обратная сторона незнания – или памятник, или ощущение, что все кругом кишмя кишит «духовными учителями»...

Подлинными же носителями традиции, независимо от того, к какой конкретно традиции они принадлежат, опознают друг друга совершенно свободно. Наше незнание плюс существование внутри общества, в котором просто нет возможности получить навык опознавания таких людей, привело нас к совершенно иллюзорному представлению о том, как выглядит живой носитель традиции. А вариантов – тысячи. Насколько по-разному выглядят люди, настолько по-разному выглядят и носители традиции. В силу незнания в нашей культуре, в нашем сообществе как нигде распространена шизофренизация духовной идеи.

Поиск абстрактных наставников чаще всего приводит к тому, что начинаются «глюки», появляются «небесные женихи» или «учителя небесные» в экстазах, в снах либо в так называемых медитациях. Естественно, мы не можем отбросить факт, что один раз на тысячу или на десять тысяч действительно может произойти такое проявление реальности. Но в большинстве случаев это элементарный процесс шизофренизации личности, и обычно он заканчивается если не в самой психушке, то постановкой на учет в ней же.

Какой же выход из этой ситуации? Прежде всего выход, как всегда, в том, чтобы признаться в своем незнании. Признаться в том, что мы не имеем ориентиров для этого. Если мы попытаемся создать какой-то совокупный образ, то, во-первых, он будет усредненный, а во-вторых, идеализированно абстрагированный и лишенный своей конкретности. Но абстрактные люди не живут. Абстрактные люди – это памятники или плод воображения. Поэтому люди с огромной легкостью ловятся в сети шарлатанов и совершенно с той же легкостью проходят мимо истинных носителей традиции. В то время как человек, живущий в глубинке Средней Азии и сталкивающийся всю жизнь с детства с различными проявлениями духовного сообщества, без труда отличит пира от суфийского мастера. Он знает, что пир будет ходить в благородных одеждах, а суфийский мастер – валяться под забором, эпатировать публику или представляться простым сапожником. Он ориентируется, так как уже видел разные варианты. Мы же с вами не видели их и поэтому опираемся на то, что слышали или читали, на сохранившуюся в минимальной степени религиозность культуры, то есть в

основном на классические религиозно-церковные образы. Это третий источник грандиозной путаницы.

НАПОМНЮ:

I критерий. Разница между убежищем как структурно-упрощенным вариантом жизни и путем реальной духовной традиции, который всегда труден, долг и так же полон всевозможных конкретностей, как и любая жизнь. В убежище – смещение ценностей на переживание, а в Пути – одна сверхценность – истина.

II критерий. Мотивационная разница. В истинной духовной традиции не может быть такой мотивации, как самосовершенствование, и всякий материал, в котором самосовершенствование выступает в качестве ведущей идеи, есть в лучшем случае продукт какой-либо духовной традиции.

III критерий. Наше абсолютное незнание того, в какой форме может выступить живой носитель традиции. Отсюда попытка искать канонический образ, абстрактный образ и самое страшное – бестелесный образ.

Следующий аспект – отношения между духовным сообществом и Великим Средним. В этих отношениях есть много разных ступеней, переходов и, естественно, нет жесткой границы – вот духовное сообщество, а вот все остальное человечество. Представлять себе это так – значит поставить мысленный эксперимент, который проделал Гессе в своей книге «Игра в бисер», где «духовная провинция» резко ограничена и все формализовано. Нет. Духовное сообщество построено прежде всего по принципу так называемого незримого колледжа, если пользоваться нашими европейскими определениями. Принадлежность к духовному сообществу не есть принадлежность социализированная, это не обязательно монастырь, не обязательно какая-то одежда или значок. Это просто другая жизнь, построенная по другим принципам. И естественно, чтобы жить этой жизнью, нужно быть другим. Поэтому градации вхождения в эту другую жизнь – разные.

В чем принципиальное, основное отличие между жизнью в Великом Среднем и в духовном сообществе? Как ни странно, последняя выглядит беднее (эта бедность, кстати, и дает почву для абстрагирования). Чем она беднее? Прежде всего тем, что в ней отсутствуют захват или экспансия. Сценарий жизни в духовном сообществе не включает в себя захват территории. По существу своему, но не обязательно в материальном смысле духовная жизнь беднее, то есть она менее разнообразна в своих вариантах. Почему? Потому что в первой части сценария жизни в духовном сообществе полагается целевое бытие. Люди, живущие целевым бытием, – это одержимые, целеустремленные, но не фанатики. Хотя провести эту грань бывает очень трудно.

Различить целеустремленного человека и фанатика удастся обычно по результатам их деятельности. Произвел какую-либо продукцию – значит, не фанатик, а целеустремленный. Ничего не произвел, а просто сошел с ума – фанатик. Не случайно люди, живущие в Великом Среднем по принципам целевого бытия, вызывают особое чувство: с одной стороны, ими восхищаются, с другой – они вызывают реакцию избегания.

В духовном сообществе целевое бытие полагается изначально, а целевое бытие – это бытие бедное. Богатым, в смысле многообразным, оно становится постепенно, а достижение высшей точки возможного для целевого бытия богатства означает, что наступило время от него отказываться. Наступает время следующего этапа, следующей большой главы сценария жизни в духовном сообществе, – время целокупного бытия. Эти основные первоначальные этапы сразу резко отделяют сценарий обычной жизни от сценария жизни в духовном сообществе. Естественно, что здесь и происходит отбор. Членом духовного сообщества по определению может оказаться только тот человек, который реализовал целевое бытие и

сумел отказаться от него на высшей его точке. Практически этот отказ и есть вход. Переключение происходит за счет осознания, что та часть пути, которая построена на принципах целевого бытия, закончена и теперь продвижение возможно только за счет реализации принципов целокупного бытия.

Естественно, любой член духовного сообщества обычно выглядит асоциальным по той простой причине, что, не имея социального разрешения, он реализует свое социальное бытие по сценарию, который Великое Среднее заготовило лишь для великих и знаменитых, для исключений.

Члены духовного сообщества сразу начинают жить по сценарию, разрешенному Великим Средним только для таланта. В этом сценарии тоже предусмотрено, что в начале пути, пока еще нет продукции, талант пинают со всех сторон. Он тоже асоциален. Все основные опасности содержатся в первом этапе – этапе целевого бытия. Почему? Потому что очень легко создать пародию на целевое бытие, используя его особенности для самооправданий. Для того чтобы различить целевое бытие из духовного сценария и видимость целевого бытия, годится тот же критерий упрощения или усложнения жизни. Он помогает обнаружить разницу довольно быстро и спокойно. В духовной традиции целевое бытие – это очень трудный путь, это фаза восхождения.

Она связана с большим напряжением не только внутренним, но и внешним.

Восхождение – целевое бытие

Происходит постоянное усложнение, нарастание трудностей как во внешнем мире, так и во внутреннем. Чем дальше, тем сложнее, чем дальше, тем труднее. Поскольку этот принцип совершенно противоположен обычному сценарию – чем дальше, тем легче, – то естественно, что сам он и служит критерием отбора и различения. Никакой таинственности не надо – сам принцип производит отсев. Те, кто не в состоянии следовать этому принципу, оказываются не в состоянии осуществить следующий шаг, и все.

Жизнь Великого Среднего, поскольку ты находишься внутри нее, не в специальных условиях, размывает тебя, затягивает в свою налаженную колею. Сама по себе жизнь прекрасна и в обычном варианте, она действительно прекрасна, если относиться к ней творчески, если быть в ней духовным, в обычном смысле этого слова. Она дает огромное количество радости, творчества – в ней можно найти все, что вы хотите, она очень многообразна. А тут предлагается бедная жизнь, особенно в первой фазе – очень бедная, однонаправленная. И поэтому здесь очень сложно.

Другой вариант возникает, когда кто-либо сталкивается с традицией, где создается специальная ситуация, скажем, монастыря, на время или навсегда. Традиция развивается внутри замкнутого социума, по определенным правилам – там, конечно, все несколько иначе. Но и там проявляется тот же принцип – не всякий послушник оказывается способным реализовать себя. Далеко не всякий. Каждый человек – штучный человек, единственный – это основной принцип духовности, и поэтому невозможно создать структуру, гарантирующую одинаковое достижение всем. Идея уравниловки в духовности возникнуть не может в силу своей антигуманности.

Она опровергает исходный тезис познания духовного: каждый человек, взятый в его тотальности, неповторим. Конечно, у него есть какие-то элементы, которые совпадают частично или взаимно перекрываются, но по сути каждый конкретный человек уникален. А значит, не может быть одинаковых результатов. Поэтому знание, которое духовное сообщество добывает и реализует в различных практиках, резко отличается от того знания, к которому мы с вами привыкли. Привычное знание предназначено для массового человека, оно имеет дело со стандартом. Когда человек воспитан по определенным правилам социа-

лизации, эти правила делают нас более или менее похожими. У нас нет знания, предназначенного для индивидуальности. В нашем сообществе только недавно появились спецшколы, кое-какая элитность, разбор по индивидуальным одаренностям и прочее. Но знания, предназначенного для выявления штучности, пока нет. А если и есть, то практически все оно заимствовано в той или иной форме у духовного сообщества.

Каким же образом духовное сообщество, несмотря на все эти сложности, умудряется существовать в течение тысячелетий и даже в наше время? Из-за растущей государственности и монополизации наше время – наиболее суровое для духовного сообщества. Почти везде разрушены традиционные механизмы отбора, вовлечения, возможности свободного нахождения духовного источника, свободного самоопределения в этом, свободного входа и выхода. И жатва не столь обильна, и работников все меньше. Каким же образом оно существует? Почему человечество в своем глобальном инстинкте или саморефлексии все-таки как-то сохраняет это ощущение, знание, предчувствие – по-разному, в разных местах и разных временах – необходимости существования духовного сообщества? Можно сказать, что духовное сообщество – это такой институт человека, который человечество содержит на протяжении всей своей истории. Это только мы в нашем европоцентризме уверены, что мы создаем институт человека и что раньше его не было. Во все времена или, во всяком случае, во все исторически фиксированные времена существовало духовное сообщество, занимавшееся человеком и его взаимоотношением с реальностью. Вот это и есть институт человека. И поэтому духовное сообщество существовало, существует и будет существовать. Это часть человечества, профессионально занимающаяся человеком.

Если бы мы имели возможность проследить, как духовное сообщество выдавало свою продукцию на протяжении истории человечества в Великое Среднее, мы бы увидели, что оно сыграло в истории колоссальную роль. Мало того, уже где-то на рубеже той и этой эры, скорее даже во времена V–IV веков до н. э., духовное сообщество отрефлектировало невозможность переносить свои законы на все человечество и требовать от него такого пути развития. Оно уже отрефлектировало специфику того, что это другая жизнь, – уже тогда произошла эта саморефлексия. А ведь саморефлексия – это серьезная штука, Великое Среднее только начинает процесс саморефлексии, то есть осознания себя как единого человечества за счет того, что создало глобальную проблематику, затрагивающую всех, – атомную опасность, экологический кризис и прочее. Здесь только начинается саморефлексия, а в духовном сообществе эта рефлексия произошла как минимум две с небольшим тысячи лет тому назад.

Необходимость содержания духовного сообщества несомненна. Вы ведь сами понимаете, что если бы это не имело смысла, то в ходе исторического процесса оно уже давно бы погибло. Это не так сложно сделать как в отдельно взятой стране, так и во всех остальных, вместе взятых, если бы это был вопрос формальный. Но поскольку это вопрос не формальный, это вопрос жизни человечества, то духовное сообщество существовало, существует и будет существовать. Как и во всяком другом деле, как и во всякой другой профессии, и в духовной традиции есть период голого энтузиазма под названием неопитство и период, когда это все работает на самоутверждение личности или индивидуальности. Это как освоение специфической информации, получение каких-то специфических навыков, нужных, чтобы занять свою территорию в социуме, утвердиться в качестве неповторимого элемента этого социума. И как в любой профессии, в духовной традиции также неумолимо наступает момент выбора, когда ты или становишься профессионалом, или потихоньку бросаешь это занятие, или остаешься любителем до конца дней. Это уже вопрос привязанности, любви, самореализации и внутренней необходимости...

Вообще духовное сообщество – это сообщество взрослых людей, в том смысле, о котором мы с вами не раз говорили: в смысле личной ответственности, беспощадного реализма и беспощадной устремленности. Это сообщество взрослых людей в полном смысле этого

слова, и поэтому разные глупости там просто не проходят. Человечество в целом находится, условно говоря, в подростковом возрасте, когда саморефлексия еще только начинается оно уже наломало много дров, и неизвестно, будет ли ему так сильно везти в дальнейшем или оно закончит, как подростки, не пережившие этот период и ставшие асоциальными. А духовное сообщество уже, можно сказать, достигло солидного, зрелого возраста, возраста взрослого человека. Хотя я бы не говорил, что это старческий возраст. Предположительно, что приблизительно возраст сущностной, если соизмерять с человеческим возрастом, – в пределах тридцати пяти-сорока лет. Тут не надо преувеличивать, как это стало сейчас модно в многочисленных убежищах, называя учителей «тысячелетними». В духовном сообществе это все совершенно ни к чему, оно гораздо трезвее. Его романтизм беспощаден и поэтому напоминает трезвость обычной жизни. А еще я бы сказал, что оно предельно реалистично и поэтому иногда кажется нам чем-то вроде кощунства, жестокости или еще чем-нибудь в этом роде. Для подросткового романтизма такая оценка беспощадного реализма естественна.

Сообщество одиночек?

Я использую термин «сообщество», потому что каждая традиция создает определенные структуры, связанные с источником, то есть с возможностью прихода людей в традицию с целью обучения и, естественно, со всевозможной работой, по с добыванию знания, его обработкой и передачей той части знания, которую считает необходимым передать данная традиция в использование Великого Среднего, и так далее. Кроме того, духовное сообщество – это живая цепь, и поэтому оно не может состоять только из одиночек в большом смысле этого слова. В нем одновременно присутствуют все: и те, кто только подошел к порогу, и те, кто уже завершил свой путь. Это естественно.

Кроме того, жизнь традиции, которая связана только со своим замкнутым социумом типа монастырского или общинного, связана с обеспечением этого социума, а жизнь традиции, которая растворена в человечестве, то есть не имеет своего отдельного социума, связана с проблемами нахождения внутри общего социума. Это масса всевозможной работы. В каждой традиции очень немногие посвящают себя исключительно исследовательской работе в областях, находящихся «за концом пути».

Чаще всего это происходит параллельно. Понятие «одиночка» в этом случае употребляется не в привычном смысле – человек, который живет отдельно и ни в чем не нуждается, а в том смысле, что этот человек не только осознал, но и реализовал свою штучность. Одиночка он в этом смысле. Не нужно переносить это понятие автоматически из одной жизни в другую. В некоторых традициях есть, конечно, классическое одиночество – отшельник, вообще не выходящий на контакт с людьми, но это большая редкость.

Если традиция растворена в социуме, тогда возникают сложности внутреннего общения. Кроме того, разные традиции взаимодействуют между собой.

Стоит помнить, что фраза: «Большая птица летает в одиночку и в обществе себе подобных не нуждается» – служит определенным целям – это учебная фраза. Она противопоставлена понятиям «одиночество» и «неодиночество» в обыденном, общераспространенном смысле этих слов. С точки зрения стороннего наблюдателя, можно, конечно, сказать и так, но изнутри это выглядит совсем по-другому. Само чувство причастности к духовному сообществу – это уже очень много, а через него возникает причастность к жизни человечества как целого, когда это становится реальностью, конечно, а не абстракцией.

У духовного сообщества одна задача – истина, и эта истина по определению сокрыта в человеке и его отношениях с реальностью, в концепции штучного человека. Поэтому знания, возникающие в духовном сообществе, все равно являются побочным продуктом, а не чем-то предусмотренным заранее. Попытка создать сверхсущество, которое заранее знает все,

до конца дней наших – это социальная интерпретация духовной задачи. Знание возникает, добывается, расширяется, углубляется или, наоборот, не углубляется – и возникает вопрос формы, соответствующей времени, месту и людям. Нельзя сказать, что духовное сообщество выше, чем все человечество, и что оно учит человечество. Это неправильно. Это опять будет попыткой превратить духовное сообщество в убежище – там папы и мамы, а мы тут дети, и они нас учат.

Духовное сообщество не выше и не ниже человечества. Это специфическая его часть. Это институт человека, который содержится за счет человечества. Если выселить духовное сообщество на отдельную планету, то там постепенно опять сформируются Великое Среднее и духовное сообщество. Позиция делать из духовного сообщества наставников неправильна. Это просто люди, профессионально занимающиеся человеком и его отношениями с реальностью.

Вопрос всегда один и тот же: человек и его взаимоотношения с реальностью. А специфика – это специфика времени. Время, место, люди – это и есть специфика. Человечество движется, меняется, и, естественно, меняются и сам человек и его познание, в нем раскрываются новые аспекты, новые детали. Сама реальность тоже не является чем-то неподвижным. Она тоже раскрывается. Это такой же естественный процесс, как и жизнь человечества.

Конечно, в духовном сообществе, как и во всякой жизни, случаются различные инциденты. Но это болезни роста. Духовное сообщество не осознает себя учителем человечества, хотя может иногда пользоваться такими аллегориями для мотивационных целей. Это специфический орган тела под названием «человечество». И это принципиально важно.

Для того чтобы хоть как-то понять ситуацию, нужно избавиться от идей о сверхцивилизациях, об учителях и наставниках человечества. Нужно видеть людей, которые делают свое дело, работают. У них принципиально другой сценарий жизни в силу их специфической задачи. Я еще раз повторяю: духовная жизнь беднее по определению. Она не проще, но беднее, она менее разнообразна, но более сложна, потому что изначальная посылка создает предельную сложность. Эта посылка заключается в том, что каждый человек штучен. В этой сложности – причина возникновения таких течений, в которых присутствует власть именно в силу штучности каждого. «Я более развитое существо, я могу тобою управлять, значит, я имею на это право» – это так называемое черное или сатанинское крыло. Власть вписывается в социум, но она создает и ограничение реализации и постижения в силу конструкции человека, поэтому рано или поздно человек, идущий по пути власти и опирающийся на ту же штучность, то есть «благородно» идущий по пути духовной власти, открывает это ограничение.

Иногда он открывает его вовремя, и тогда он в состоянии трансформацию продолжить, а иногда это случается слишком поздно, когда момент трансформации упущен. Но если вы встретитесь с высококвалифицированным человеком, идущим по пути духовной власти, и у вас будет возможность с ним пообщаться, вы всегда сможете обнаружить его саморефлексию по поводу ограниченности, создаваемой самой властью как таковой. Это происходит в силу психологической конструкции, особенностей самой реальности и человека в ней, а не из-за каких-либо абстрактных конвенциональных норм.

Судьба – диалог с реальностью

Я думаю, что самое творческое отношение к своей ситуации состоит в том, что судьба – это не некое «расписание» событий, которые должны с вами случиться, а результат диалога, то есть взаимодействия, между вами и реальностью. Расписание есть в самой конструкции жизни, но не в судьбе как таковой. Как бы мы много ни узнали о заданности – а мы будем узнавать о ней все больше и больше, – это не превратится в рок, в фатальность по той простой

причине, что будущее принципиально множественно. Принципиально множественно для каждого конкретного человека, для человечества и даже для Вселенной.

Реальность принципиально вариантна в аспекте движения во времени. Сказать, что все предопределено, – это опять же сотворить убежище: «Я сделал все, что мог, но, увы, не судьба...» Нет, это не так.

Просто мы еще слабые, мы еще дети. Эти защитные конструкции очень нам нужны. Все эти заборчики, оправдания, защитные механизмы чрезвычайно важны, без них сознание просто бы не появилось и не выжило. Человечество не сходит с ума в полном составе только потому, что изобрело великолепную систему механизмов психологической защиты и блокировки. Иначе сойти с ума было бы намного легче, чем заболеть гриппом. Однако это, к счастью, не так. В этом великая сила сознания. Но в этом же и ограниченность науки о человеке в том виде, в котором она существует в нашей западноевропейской традиции, потому что нет профессионального знания о том, каким должен быть профессиональный исследователь человеческой жизни, самого человека и его отношений с реальностью. Поэтому вся наука строится совершенно по другому принципу, когда принципы, относящиеся совершенно к другим наукам, переносятся на науку о человеке и о человеческой жизни.

Такое знание существует в духовном сообществе, но путь в духовное сообщество – это, как известно, дорога без возврата. Это тоже нужно знать, потому что происходящие на духовном пути трансформации – это действительно трансформации, и в обратном порядке они, может быть, и возможны, но опять как сознательное действие. Нужно понимать, что в духовном сообществе можно быть и непрофессионалом, можно быть содействующим, относящимся к этому уважительно, помогающим. Там, где традиции еще живы, где это вплетено в культуру, «божьих людей» всегда принимают, кормят.

У нас это немного иначе, поэтому в нашем регионе распространяются широко только те традиции, которые имеют знания о том, как реализовываться в обстановке отсутствия традиционной культуры. Это очень сложно, это творческая задача для духовных традиций. Вспомните, с чего началось проникновение одной китайской духовной традиции: с примитивной, под видом карате, идеи самосовершенствования, самообороны и тому подобного. Теперь уже ушу воспринимается как идея духовного самосовершенствования и как психотехника. И вот глядишь, потихоньку получается такая ситуация, о которой очень точно сказал один мой хороший знакомый: «Докажи, что ты не китаец, если у тебя один из любимчиков – Лао-цзы». Ведь действительно, в культурном смысле человек, интересующийся китайской философией и понимающий ее, уже может называться китаецем. Это и есть творческие задачи, которые решают традиции, поддерживая свою жизнь. Казалось бы, какая колоссальная традиция – Тибет. Но пишет же Гартанг Тулку о том, что они засиделись в своей библиотеке и только вторжение китайцев помогло осознать, что надо взять свои книжки и разъехаться по миру. Так что все движется, все процессуально.

Воля и целеполагание

В широком философском аспекте воля – это одно из проявлений субъективности. В этом смысле воля включает в себя целеполагание, которое противоречит наличной ситуации, то есть воля – это всегда стимул к изменению наличной ситуации, к ее преодолению или преобразованию, опять же в соответствии с замыслом, то есть с какой-то целью.

Мы можем, обобщая все подходы к понятию «воля», сказать, что воля – это основной двигатель механизма целеполагания. Когда человек живет по принципу «от цели к цели», то воля служит интегрированным психологическим образованием, которое обеспечивает достижение цели. В определенном смысле воля всегда содержит в себе элемент насилия, потому что она всегда рождается из недовольства. В русском языке есть очень тонкая связь

между этими словами – «воля» и «доволен» (до воли). Мы живем в такой культуре и такой цивилизации, в которой целеполагание является основным проявлением субъективности, и потому воля имеет очень высокую положительную социальную оценку – сила воли, прочная воля, воля по отношению к себе и по отношению к цели.

Для многих оказалось странным, что в нашей системе это понятие не употребляется. Оно лишь скрыто присутствует в такой формулировке: «Сила потребности измеряется величиной препятствия, которое человек готов преодолеть и преодолевает для удовлетворения данной потребности», и все. Дело в том, что кроме волевого принципа движения человеческой жизни существует еще принцип движения, который мы называем устремленностью, то есть принцип движения не от воли, а от стремления к реализации: такое стремление порождает движение не от цели к цели, а от смысла к смыслу.

Такая смыслополагающая система не требует воли. Она дает возможность реализовать замысел жизни, который опирается на смысл, не прибегая к насилию, а вступая с объективной и субъективной реальностью в такие отношения, которые мы называем отношениями резонанса. Проблема, возникающая в этой ситуации, связана с тем, что для большинства людей само собой разумеющимся, неосознаваемым является убеждение, что существует только один принцип жизненного движения: от цели к цели. А раз этот принцип движения единственный, то основным принципом, определяющим движение, является воля, волевое усилие. И отсюда вечная дилемма: с одной стороны, поклонение воле и всевозможные плюсподкрепления по отношению к ней, а с другой – очень тонкая грань, разделяющая волю и насилие.

Если рассуждать логично, то в ситуации, когда главный принцип движения жизни есть целеполагание или движение от цели к цели, проблема выбора средств и проблема этики, морали – вопрос уже не первостепенный, а конвенциональный. В одном обществе так, в другом обществе иначе, в данное время так, в другое – не так... Сам принцип провоцирует насилие. И поэтому, чтобы воля и насилие не переходили определенной грани, не превращались в логически завершённую форму «цель оправдывает средства», приходится оговаривать логическую конструкцию сложным комплексом конвенциональных социальных ограничений. Получается: с одной стороны, мы всячески превозносим волю, выставляя ее как положительное качество индивида, а с другой – боимся ее и окружаем всевозможными тормозными механизмами, понимая, что воля неизбежно тяготеет к насилию.

Тем и отличается духовное сообщество, что оно нашло принципиально иной способ движения жизни, движения от смысла к смыслу, которое не требует воли, а требует устремленности, опирающейся не на рациональную, а на чувственную вовлеченность в движение. Но это сообщество пока что в меньшинстве.

А есть ли смысл?

Возьмем такое противопоставление: бессмысленно и со смыслом...

Что это такое в повседневной человеческой жизни? Когда мы ощущаем бессмысленность чего-либо, чего нам не хватает? По какому признаку возникает переживание бессмысленности? Все это очень сложно. Человек по несколько раз в день произносит: «Это бессмыслица, а в этом я вижу смысл», но способ определения этого скрывается от него самого. Спросите человека без ментального напряжения о чем-либо: «Это имеет или не имеет смысл?» Он мгновенно ответит, имеет или нет, с его точки зрения. Мгновенно! Что же помогло сделать это так быстро? Ему не надо для этого думать. Откуда в нем это мгновенно возникшее знание? Чем он для себя определяет отсутствие или присутствие смысла? Нам кажется, что все, что определяется мгновенно, что рождает мгновенный ответ, наиболее вероятно связано с ценностной структурой, с иерархией ценностей. Значит, мы можем

предположить, что смыслопорождающая функция имеет какую-то интимную связь с ценностной структурой человека, что между ценностью и смыслом существуют некие взаимоотношения.

Теперь попробуем рассмотреть эти взаимоотношения подробнее. Может ли быть неценным то, что имеет смысл? Очевидно, не может. Смысл – это то, что в определенном аспекте ценно. А может ли иметь ценность бессмысленность? В определенной ситуации может. Вы сумели зафиксировать пока один момент: смыслопорождающая функция связана со структурой ценностей или с ценностной структурой личности. Теперь давайте посмотрим, каким образом ценностная структура может породить смысл или обнаружить его отсутствие.

Для начала разберемся в процессе движения от смысла к смыслу. В смысле всегда есть акт присоединения, снятие дистанции между собой и неким явлением, внутренним или внешним. Смысл порождается переживанием взаимной приближенности, снятием дистанции между собой и, скажем, мыслью либо между собой и объектом или субъектом. Отсутствие смысла есть невозможность преодолеть эту дистанцию. Смысл порождается присоединением чего-либо, возможностью присоединения чего-либо к своей субъективности.

Если мы говорим: я хочу того-то, значит, то, чего я хочу, – это и есть моя цель. Но поскольку человек, как правило, хочет сразу энное количество «того-то» и «того-то», то происходит так называемая конкуренция мотивов. Естественно, он вынужден строить иерархию: «Я хочу многого, но сначала я хочу вот этого, а потом займусь вот тем, а потом буду доставать вот то». Иерархия строится по необходимости. И отражением этой необходимости и является ценностная структура человека. Иерархию образуют плюс-минус ценности, плюс-минус требования, из которых формируется ценностная структура человека, и отношение к миру, опосредованное ценностной структурой, становится оценочным. А дальше начинаются уже сложные неоднозначные полифункциональные взаимоотношения между потребностью, мотивом, целью, ценностью, структурой ценностей и их иерархией, то есть начинается то, что называется «человек». Потому что человек может задерживать удовлетворение непосредственного «хочу» за счет подчинения его некой перспективе. Человек строит планы, что-то задерживает, что-то реализует. Задержка во времени, период формирования идеальной модели – это очень интересный момент для изучения. Вопрос только – зачем его изучать?

Профессиональному психологу это знание нужно, потому что оно входит в его профессию. Он собирается помогать при нарушениях самоосознаваний или еще в каких-то случаях. А если человек не собирается стать профессиональным психологом? Нужно ли ему такое знание о себе, с такой степенью подробности?

До какой степени человеку необходима рефлексия самого себя и своего устройства? Это зависит от ответа на вопрос «Для чего?». Это следующий вопрос. Чтобы ответить на вопрос «Почему не надо?», нужно ответить на другой: «А для чего это может быть надо?» Этот очень сложный вопрос порождает, как только мы в него углубляемся, огромную деятельность. Те, кто чувствует в себе потребность в самопознании, должны помнить простое правило: вмешательство наблюдателя в любую реальность – объективную или субъективную – меняет саму реальность. Это закон, о котором помнит каждый ученый: введение прибора, измеряющего некий параметр некой физической реальности, изменяет эту физическую реальность. Значит, как только вы начинаете наблюдать за миром, мир изменяется, потому что он включает в себя и вас, наблюдающего. Это нужно помнить.

Очень важно понять разницу между движением от цели к цели и движением от смысла к смыслу, движением внутри смысла. Довольно часто обнаруживается, что, пытаясь ответить на вопрос, в чем смысл его действий, человек сообщает о том, зачем он это делает.

Например: «В чем смысл твоей турпоездки?» – «Увидеть то, что я хотел увидеть». Это классический пример. Человека спрашивают о смысле действия, а он начинает перечислять цели, пытается описать содержание своего действия перечислением некоторых целей и попыток их реализации.

Какое отношение это имеет к смыслу? Достигая одну и ту же цель, можно реализовывать через нее самые различные смыслы. Вся сложность в том, что смысл нельзя получить. Смысл можно только создать.

Смыслообразующая функция человека, его смыслообразующая деятельность – всегда творческая. И когда мы говорим, что главное – всегда помнить, зачем ты что-то делаешь, мы имеем в виду память о смысле, который реализуется в твоей деятельности. Когда мы пытаемся поставить вопрос, в чем смысл жизни, мы начинаем предлагать различные цели, не понимая той относительно простой вещи, что смысл, даже если он порожден не вами, а присвоен вам, как уже открытый или созданный другим человеком, требует реализации, ибо только в ней он себя обнаруживает. В этом месте скрывается причина многих недоразумений, возникающих при попытках что-либо понять про духовные традиции и духовные учения.

Реализовывать смысл можно, никуда не двигаясь. Можно поставить одну-единственную цель: реализовать смысл, и тогда стороннему наблюдателю будет виден человек, который как бы ни к чему не устремлен, никаких целей не добивается и психологически вроде бы находится на одном месте, все время делая одно и то же. Это очень важно понять. Почему? Потому что бытие в духовном учении и целевое бытие, как его принято понимать, – вещи не одинаковые. Человек в целевом бытии обычно воспринимается как устремленный, сильный человек.

Все подчиняется движению к цели. Вопрос морали начинается дальше. Все ли средства хороши для достижения цели? Какие средства нельзя применять?

В этом всегда есть некоторая натяжка. Все ограничения в выборе средств есть следствие конвенционального договора в том или ином сообществе. Путем логических размышлений прийти к пониманию, почему именно эти средства отвергаются, а эти принимаются, невозможно. Это всегда конвенция. Скажем, большинство таким образом защищает себя от меньшинства, или это конвенция во имя сохранения какой-либо идеи. Другой вопрос в том, что существуют средства, которые изменяют саму цель, ее содержание.

Мы можем осуждать человека за то, что он неразборчив в выборе средств, но явно или тайно психологически его как бы и поддерживать. Не зря бытует при всей вроде бы осудительной интонации поговорка: «Наглость – второе счастье». Не зря мы никогда не относимся индифферентно к людям, которые умеют собраться, как говорится, в кулак и двигаться к своей цели, ограничить отступление от нее. Они всегда воспринимаются нами как подвижники. Все любят и уважают Константина Эдуардовича Циолковского. Но стоит посмотреть на Циолковского глазами его семьи, и мы увидим ужасного человека, который не только мало зарабатывал, но и большую часть заработанного тратил на свои странности, в результате чего его семья всю жизнь мучилась. И так всегда: человек с целевым бытием с точки зрения большого сообщества – герой, а с точки зрения малого – очень жестокий человек. И если он добился цели, мы его оправдываем: что ж, великий человек, ему простительно.

Когда же в духовном сообществе говорится о целевом бытии, то в качестве целей имеется в виду реализация того или иного смысла, и в этом, собственно говоря, и скрыт секрет учения. Не зря говорили древние – можно прожить рядом с Буддой тысячу лет, выполнять все его указания, и ничего не изменится. Понимаете, при целевом выполнении ничего не изменится, а можно услышать одно слово, реализовать сокрытый в нем смысл, и все будет достигнуто, потому что достижение в духовных традициях есть постижение и преображение, и никогда – приобретение. Пока человек это до конца не осознал, он бродит как пут-

ник, заблудившийся в трех соснах. Целевая деятельность в духовном смысле – это деятельность по реализации смысла, по его объективизации и по трансформации объективной или субъективной реальности в соответствии с определенным смыслом. Это всегда постижение и преображение, но никогда – достижение. Об этом сказано: «Просветление есть, просветленных – нет». Реализовать такой смысл, который называется просветлением, можно, но достичь просветления – нельзя.

Преобразовать себя, свою жизнь, свое бытие в соответствии с этим постижением можно, но достичь ничего нельзя. Это и есть то самое лезвие бритвы, тот тончайший и точнейший инструмент, с помощью которого всегда можно отделить зерна от плевел и овец от козлиц. Как только возникает достижение, постижение исчезает. Если вы не будете тратить умственных усилий на осознание этих моментов, то можете и не начинать учиться – все равно ничего не получится. В лучшем случае вы заблудитесь где-то среди экстрасенсов.

Чтобы духовность не превратилась в средство достижения повышенного уровня самооценки и индивидуального статуса, в области достижения нужно все время играть на понижение. Так учил меня мой учитель. А для того чтобы научиться различать и реализовывать смысл, нужно еще очень хорошо поработать мозгами. Воинствующее невежество никогда еще не было ключом духовности. Человек, ставший на духовный путь, должен развить свое осознание до уровня практической философии.

Если человек интеллектуально не в состоянии отличить цель от смысла, то что же он может сделать? Если он не способен выскочить за пределы стандартных расхожих умозрительных построений, оценочных или конвенциональных способов выбора средств, на что он способен? Только показывать фокусы, чтобы ему аплодировали. И все. Я все время говорю, что нужно очень четко задать себе вопрос: «Мне нужны знания для того, чтобы усовершенствовать ту жизнь, которая имеется?» или «Мне нужны знания для того, чтобы найти другую жизнь?».

Я понимаю, что в большинстве случаев иллюзий так много, что и осознание не поможет. Но я не хочу участвовать в таком совершенно преступном действии, как распространение версии, что духовность доступна невежественному человеку, что для нее не нужно никаких знаний и труда, что достаточно откровений, видений, сновидений и тому подобного. У вас и так вся жизнь – сновидения, значит, вы уже хорошо устроены.

Дух и душа

В теологии понятия духа и души определены, хотя и в теологических традициях существуют различия их толкования. Но попробуем подойти к этому, не опираясь на готовое определение.

Начнем с самого простого, с психологического выделения групп потребностей и связанных с ними в человеке некоторых психологических образований. Мы говорим, что все потребности можно разделить (один из возможных вариантов классификации) на биологические, социальные и идеальные, классифицируя их по тому, чем удовлетворяются эти потребности:

- биологические – материальными объектами;
- социальные – социальными объектами;
- идеальные – идеальными объектами.

В обиходе появилось такое представление, что уровень социальных потребностей – это как бы душа, а уровень идеальных – как бы дух. Мне кажется, что это не совсем точно.

Если собрать все, что мне известно, и все, что я прочел, то можно сказать следующее: когда употребляется такое понятие, как «душа», в большинстве случаев имеется в виду свой-

ство взаимодействия людей между собой. В понятия «душа», «душевность» включаются эмоционально-чувственные компоненты, умение сопереживать другому человеку, развитое чувство эмпатии, сострадания.

В религиозных и мистических текстах говорится о том, что душа (если признать за ней право на некое отдельное существование) – это второй уровень реальности, то есть душа существует в виде информационно-энергетического образования. Как замечательно сказал один из хороших людей – там у них на втором уровне так же, как здесь, только тел нет.

Таким образом, то, что мы условно называем вторым уровнем реальности – все ментальное, астральное и так далее, – показывает нам, что под душой имеется в виду обобщенное понятие человечности или, может быть, еще проще – психики как таковой. Тут есть две наиболее распространенные версии: душа существует только у человека либо душа существует и у животных. У животных она менее развита, но все-таки она есть: это утверждают, опираясь на то, что человек, вступая в контакт с животными, находит взаимопонимание, взаимодействие и взаимочувствование на бессловесно-эмоциональном уровне.

Суть состоит в том, что в большинстве текстов, где мы встречаем понятие «душа», имеется в виду в основном обобщенный эмоционально-чувственный способ общения. В то же время в этих же текстах и свидетельствах говорится о том, что способность к речи тоже принадлежит к душевным способностям – речь как выражение интеллекта. Таким образом, мы не можем, употребляя понятие «душа», разводить эмоционально-чувственную и интеллектуальную сферы как сферы души и духа. Как утверждают все внутренне непротиворечивые источники, души общаются, в том числе и словесно.

Существует достаточно большое количество зарегистрированных явлений, которые нельзя отнести к психопатологии или психиатрии, когда человек вступает в контакт с бестелесной сущностью или в нем самом образуется некое психическое образование – то, что называется «услышать голос». Этот голос диктует ему совершенно вытнтые тексты, имеющие вполне понятное содержание.

При исследовании реальности, связанной с этими явлениями, выясняется, что феномены этой части реальности предстают в совершенно нормальном виде. Они обладают всей совокупностью человеческих качеств, там происходят конфликты и ссоры, то есть ситуация не идеализированная, а просто бестелесная. Кроме того, бывают ситуации, когда люди в силу каких-либо причин ощущают возможность перемещения в пространстве бестелесно и получают возможность видеть реально происходящие события на расстоянии.

Если допустить существование информационно-энергетической структуры, способной в некоторых ситуациях существовать вне тела, то эта структура, очевидно, не обладает никакими исключительными особенностями, кроме бестелесности, а следовательно, ее отличие лишь в том, что она лишена связанных с телом ограничений. Должен вам сказать, что в очень многих известных мне случаях вступающим в контакт бестелесные существа объясняют свое существование в таком виде тем, что они не сумели воспользоваться до конца возможностями, которые дает человеческое тело, то есть не отработали какую-либо проблематику и в связи с этим не прожили жизнь во всех возможностях и «застряли» в таком виде, чаще называемом промежуточным состоянием. Я не знаю ни одного свидетельства из тех, которые считаю достоверными, где бы бестелесный участник контакта превозносил свое состояние, хвастался им или провозглашал, что оно выше, чем положение человека в теле. Это довольно сложная ситуация.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в большинстве источников, как устных, так и письменных, понятие души относится к некоей **информационно-энергетической структуре**, которая во всем, исключая телесность, соответствует нашему понятию человеческой личности. Поэтому существуют такие традиции, которые считают необязательным

заниматься развитием души. Существование таких традиций и их психотехнические составляющие показывают, что дифференциация существует. Душа – это некий отдельный от духа компонент, которым можно заниматься, и некоторые полагают, что без этого невозможно ничего достичь. Одновременно существуют традиции, которые считают, что неважно, если душа дикая, полуживая и грубая, – все равно это душа. А есть и такие традиции, которые утверждают, что можно, минуя проблемы души, заниматься непосредственно проблемами духа.

Что же тогда в рамках известных нам источников входит в понятие «Дух»?

Понятие это, если попытаться интегрировать известные нам источники, состоит в следующем: дух, в отличие от души, не имеет характеристик, относящихся к человеческим качествам, за исключением одной – самосознания, то есть «Я есть».

Дух есть некое качественно иное образование. Взаимодействие с реальностью в том аспекте, к которому относится понятие духа, происходит и совершается совсем по другим законам. Практически понятие духа относится к такому качеству, в котором, условно говоря, чистое восприятие имеет возможность контактировать с реальностью в объемах, недоступных душе человека и его телу. Это понятие относится к классу психических, психотехнических, а возможно, и реальных (если допустить, что реальность имеет такое измерение) явлений, которые мы квалифицируем как третий уровень реальности. В духе, в этом смысле слова, остается состояние самотождественности, то есть там есть Я, а есть и не-Я.

Отношения между Я и не-Я строятся по иным, чем мы привыкли, принципам, потому что это Я не имеет границ, оно есть точка. А точка, как говорил Никола Кузанский, «объемлющая бесконечность», поскольку в точке, как и в бесконечности, нет границ. Там вступают в силу духовные законы взаимодействия с реальностью. Может ли дух, если его выделить из человека, совершить реальные действия, например сдвинуть стул? Это любимый вопрос многих. В связи с тем что наше отношение к таким явлениям, как телекинез, изменилось, мы уже это допускаем: «Я в это не верю, но это, в принципе, возможно». Мы допускаем некие информационно-энергетические образования, тем самым допуская возможность некоего воздействия.

А вот в духе есть ли возможность воздействия? В том плане, в котором мы говорим, воздействия как проявления личной воли – нет. На этом сходится большинство источников. Но в то же время утверждается, что дух, руководя душой, а через нее – телом, способен придать им такие качества, которые не доступны им в другой ситуации, то есть он может совершить это действие с их помощью. Возникает как бы противоречие.

Снимается это противоречие следующим образом: на уровне чистой духовной реальности (или на «третьем уровне реальности») реальным действием считается только действие, совершаемое реальностью как таковой, то есть отношения между духом и реальностью, внеположенной духу, строятся не по закону личной воли, а по закону возможности взаимодействия в рамках, позволяемых реальностью. Если мы предположим, что можно выделить психологически некую метаструктуру и обозначить ее как дух, то эта метаструктура не может совершить действия, потому что не имеет мотивационной системы внутри себя. Мотивация есть у души и у тела, но у духа ее нет. Он просто «есть». Это его принципиальное отличие – у него нет «хочу». Практически дух отличается от души и тела тем, что не порождает никаких «хочу». Дух по определению не может хотеть для себя ничего. Его «хотение» заключается в том, что он «Есмь». Поэтому, если представить дух в качестве некоторой силы, некоторой реальной возможности, возникает вопрос: раз он есть как один, то что он делает? Просто наблюдает, что происходит? Он может действовать или не может? Это самый сложный вопрос. В источниках часто встречаются всевозможные противоречия по этому поводу. Дух как бы может действовать, только непонятно зачем. Зачем ему действо-

вать, если у него нет никаких «хочу»? Если объявляется, что он бездействующий, то одухотворение – это уже действие или нет? В этом вопросе в мировой культуре, в религиозной, оккультной, мистической и мифологической традициях нет того концептуального единства, которое есть в отношении души, где большинство традиций придерживаются одного и того же взгляда.

Однако существует точка зрения, которая кажется мне внутренне непротиворечивой: дух по определению обладает таким видением реальности, каким не обладают принципиально ни душа, ни тело, он обладает возможностью, растворяясь, не растворяться в реальности. А благодаря такому принципу этого уровня реальности, что две вещи являются одной вещью, в то же время оставаясь двумя (то есть Я и не-Я – это как бы одно, поскольку и то и другое не имеет очерченности, и в то же время – это все-таки Я и не-Я), дух, если он сохраняет связь хотя бы с душой, как бы втягивается в один из вариантов будущего развития реальности, образуя то, что обычно в литературе называется потоком.

То, что называется духовной реальностью или третьим уровнем реальности, не есть нечто однородное. И «не-Я», реальность, противостоящая духу, тоже не есть нечто однородное. Она разделена на некоторые области, которые в большинстве случаев называются или потоками, или эгрегорами (хотя эгрегор, по определению первоисточников, относится больше ко второму уровню реальности). Сам третий уровень реальности еще не есть реальность абсолютная, обладающая абсолютной целостностью.

Давайте я еще раз попробую вам показать, как выглядит картина реальности на этом уровне. Возьмем наиболее известное на сегодняшний день описание реальности такого рода, используя работу Тартанга Тулку «Пространство, время, знание». Общее описание реальности в ней сводится к определению: «Время разворачивает знание в пространстве». Это общее определение реальности как таковой. Описание третьего уровня обобщения.

Теперь представьте, что в этой реальности находится некий дух, некое «Я». Так вот, это «Я» находится не вообще в этой реальности, а является составляющей одного из ее потоков. Эта реальность состоит как бы из переплетающихся потоков, она не однородна, и ее можно представить как несколько разноцветных струй, текущих в одном русле, каждая из которых до того момента, как они полностью перемешаются, составляет одно целое со всеми другими потоками, но в то же время выделяется из них. Приблизительно такой образ может передать, почему дух действует. Он действует уже не сам по себе, а в силу своей принадлежности к какому-либо потоку. И поскольку каждый из этих потоков реальности влияет на происходящие в реальности события, постольку это и будет участием индивидуального духа в мировом процессе.

Едино в двух мирах

Пожалуй, самым интересным в школьные годы были каникулы, когда мы уезжали к моей бабушке в Новгородскую область. Там у меня был такой дядя Вася – муж моей тети Нюры. Замечательный мужик. Он был командиром пожарной части. Под его влиянием я гирую двухпудовую таскал... хотя это уже много позже. Вообще там много чего было – я ездил на сенокос, видел настоящую деревенскую драку после танцев, с кольями, очень много читал, просто запоями... странная у меня была способность – я читал очень быстро и все запоминал при этом. Когда я приезжал на каникулы, мне сначала давали одну книжицу в библиотеке, потом через час я приходил за второй, потом библиотекарь проверяла, запомнил ли я прочитанное, и давала сразу десять, а потом я прочитывал всю полку. Тогда книжки в библиотеках делились по полкам: литература для шестиклассников, для семиклассников и так далее. Вскоре библиотекарь уже не смотрела, что я беру, я так пачками брал, чтоб не бегать все время в библиотеку.

Первое сильное переживание – это книжка, которую я нашел у бабушки на чердаке, без обложки. Книжка, изданная во время войны, такая пожелтевшая бумага, в ней были рассказы о мастерах своего дела. Два рассказа поразили меня на всю жизнь. Один о двух пожилых слесарях. Помню, что они все спорили: кто из них лучший, и весь завод в этом споре участвовал, а происходило все это на Урале во время войны. А моя мама, я выяснил, во время войны была на Урале, на танковом заводе работала. И вот суть дела: слесари решили устроить соревнование, чтобы выяснить наконец, кто лучше. Там было жюри, инженеры всякие, и эти два работяги. Один сделал деталь какую-то сверхсложной конфигурации, которую никто на заводе даже и не взялся бы делать. Полный восторг. Тогда второй достает из кармана небольшой металлический куб. Не помню, то ли восемь на восемь сантиметров, то ли меньше, ну, что-то такое – небольшой металлический куб. Начинают все смотреть, а там шлифовка высшего класса, размерность с точностью до микрона, параллельность, ну а тут все так просто: куб и куб. Там такая деталь, а тут куб. Потом мастер берет этот куб в руки, чего-то там делает, и куб распадается на, скажем, 8 частей сложного профиля. Он говорит: «Пожалуйста, сложите». И вся эта комиссия пытается сложить. Он никак не складывается, этот куб, а мастер опять берет его в руки, раз-раз – складывается. Там была такая степень точности, что только при температуре его рук можно было этот куб сложить. Чуть выше, чуть ниже – все, куб не разбирался и не собирался. И я помню, что меня это очень сильно поразило почему-то. Просто застряло во мне.

Второй рассказ из этой книжки, который я запомнил: танковый завод, привезли с проката броневые листы для танков, и один лист погнут. И пресса такого, чтобы его выпрямить, нет. А война, не выбросишь и назад не отправишь. И вот там какого-то старичка пенсионера зовут выручить их. К нему приставляют молодого инженера, инженер ходит с кувалдой, а старичок ходит с молоточком и кусочком мела. Вот он первый день ходит, ходит – там постучит, тут постучит. Второй день пришел, начал стучать и уже крестики ставит мелом, а молодой все записывает, фиксирует. На третий день он приходит, в трех местах постучал, одно место показывает, говорит: «Бей сюда, где крестик, кувалдой». Ну, молодой шмяк по этому месту, и лист как живой завибрировал и выпрямился. Я был просто потрясен. И мысленно все время возвращался к этим рассказам, пытался как-то представить себе, как это... сомневался, быть это или сказки. Просто такая вот книжечка про героев тыла.

Потом опять ничего особенного не помню. А потом помню, как в пятом классе осенью пошел в Дом пионеров поступать в драмкружок. Пришел, посмотрел и понял, что рано. Помню эту мысль – рано мне еще. И отложил. Рисовал, фотографировал, чем только не занимался. Учиться мне было легко. В начале учебного года я свежие, пахнущие типографской

краской учебники просто читал от корки до корки. Память у меня лошадиная. Но все эти годы болела голова. Иногда очень сильно, и тогда приходилось, чтобы воспринимать, что говорит учительница, ставить карандаш острием вверх и упирать в него голову – такую «акупунктуру» я сам себе делал. А иногда тихонько стучал головой о стенку, сзади, чтоб незаметно было. Но это как-то особенно меня не волновало тогда. В общем, такая серенькая жизнь, после этого сильных впечатлений никаких не помню аж до... по-моему, окончания седьмого класса... Или нет, это зимой было – я поскользнулся, упал и сломал ключицу. Второй раз, ту же самую, что и тогда, в детстве, когда я упал в пролет. В этот раз все было нормально, медицина уже была более прогрессивная, я был весь в гипсе, а рука торчала в сторону... А еще стоял на воротах за уличную команду футбольную, сломал кисть, отбивая мяч, – неудачно приземлился. А больше ничего особенного не было. И лишь потом вдруг началось...

Человек в определенном смысле существо двойственное. Двойственное потому, что он содержит в себе два как бы противоположных начала: начало субъективное, которое, развиваясь, получает возможность быть все более и более независимым от внешней объективной реальности, и объективное в силу того, что человек является объектом, частью природы и как тело, и как биологическая особь, и как социальный индивид, и как часть социальной природы.

В связи с этим возникают две крайние возможности: одна – помещение самоосознания в пространство субъективной реальности (когда мы имеем дело с интровертированным типом человека), вплоть до патологической интровертированности, то есть аутизма, и другая – помещение центра самосознания во внешнюю объективную реальность. Тогда мы имеем дело с экстравертированным человеком, в качестве крайности – с человеком, который не имеет возможности вырваться из-под влияния ситуации и вынужден все время пребывать под ее властью. Отсюда мы постепенно можем перейти к пониманию того, что правильное местонахождение, сущностный момент самосознания, как чистого субъекта «Я есть», состоит в том, что оно должно находиться на границе между субъективной и объективной реальностями, поскольку сам человек – это нечто пограничное.

В этом возможность человеческого развития и в этом его уязвимость, ибо человек, взятый в его целостности и тотальности, – явление пограничное, не принадлежащее полностью ни к миру чистой субъективности, ни к миру чистой объективности. В этом его напряжение и его шанс для разворота.

Давайте предположим, что нам удалось так правильно психологически выстроиться, что наше самосознание действительно оказалось на границе субъективной и объективной реальностей. Что же тогда должно произойти? Логично предположить возникновение уравновешенного, амбовертированного типа, который одинаково ясно воспринимает как мир внутренних побуждений, так и мир внешних обусловленностей. Но практически такому человеку становится очень трудно действовать по причине той экзистенциальной трудности, о которой мы с вами уже говорили, а именно: каждый момент настоящего – это превращение множественного будущего человека в его единичное прошлое. Если предположить, что вам удалось реально поместить свое самосознание, свое самосознающее Я на границу между субъективным и объективным, то вы сразу попадете в предельно сложный мир.

В этом мире вы вынуждены тратить энергию на центрирование, с одной стороны, и все время находиться в напряжении, создаваемом постоянным контролем за своими выборами, – с другой. Появляются сосредоточенность на проблеме выбора и конфликт между знанием о разнообразии возможностей и правомерностью сделанного единственного выбора. И конечно, человек долго этого не выдерживает, он соскальзывает и уводит свой центр осознания или в субъективную реальность, или в объективную. Это очень важно понять

по той простой причине, что наиболее легко перемещаемая психологическая реальность – это точка самоосознавания. Это такая метапсихологическая конструкция, которая, будучи пустой, нулевой (я есть я), имеет возможность передвигаться.

Поэтому мы называем ее точкой координатора или точкой нуля. В зависимости от того, где вы положите центр системы своих координат, в вашем понимании, чувствовании, восприятии и действиях очень многое сразу определится. Это очень важно знать. Причем для этого не надо каких-либо особых способностей и дарований, нужно просто немного задуматься, осознать и попытаться двигать. И вы увидите, что она передвигается очень легко. Другой вопрос – зачем это делать? Как всегда, проблема мотивации очень сложна.

Говоря о человеке как о целостности, как о тотальности, мы можем использовать образ птицы. Человек – птица, у которой одно крыло – субъективная реальность, другое – объективная, а тело – как бы граница. Таким образом, человека можно сравнить с птицей, летящей между двух миров. Это старинный и очень выразительный образ. Достижение такого полета между двух миров – процесс постепенный. Первый шаг в выведении точки осознания на границу можно назвать РАСТОЖДЕСТВЛЕНИЕМ, потому что в этом положении точки самоосознавания вы имеете возможность растождествляться со своей привязанностью к внешнему или внутреннему обусловливанию. Для того чтобы это было в принципе возможно, необходимо предварительно проделать соответствующую работу. В чем состоит эта работа? В том, что вы находите границы своей обусловленности. Большинство людей обусловлены в основном внешне. И психологически мы воспринимаем границы своего пространства как обусловленные внешне. Это начинается еще в детстве.

Вспомните себя в детстве, своих детей или детей своих знакомых. У ребенка есть такой период, когда он идет до упора, пока его не остановят. Очень забавно выглядят родители, когда они в этот период говорят ребенку: «Ну почему ты это не понимаешь, ты не должен этого делать!», а он все равно идет, пока его не остановят. Он определяется в границах. И определяет их там, где его действительно не пускают, а не там, где ему только говорят, что идти туда нельзя. От того, какое образовалось личное пространство и как описались его границы в этом критическом, сенситивном для этой проблемы возрасте, впоследствии во многом зависит процесс становления самосознания. Дети в этот период кажутся ужасными, кажется, что они делают все вам назло, что они специально устраивают пакости. А они просто ищут границу обусловленности. Бывают и взрослые с низким уровнем контроля за Я-концепцией, которые тоже действуют до упора, пока их не остановишь, а сами не останавливаются никогда. Так внешнее описание становится для нас основным обуславливающим фактором, и поэтому человек гораздо чаще осознает себя как бытие для других, чем бытие для себя.

Может ли человек быть сам себе предоставлен как бытие, а если может, то при каких условиях? Очень интересный вопрос, хотя некоторым из вас он кажется абстрактным, отвлеченным. Но на самом деле это чистая практика, «ползучий эмпиризм».

И потому, прежде чем вы начинаете работу с передвижением точки самоосознавания в нужное вам место, вы должны добиться доминирования внутреннего обусловливания над внешним. Необходимо создать такую систему внутренних критериев, которая бы позволила вам описать свои границы изнутри.

Еще раз повторяю: мы в большинстве случаев осознаем границы себя как физического тела, как социального тела и как идеального тела только тогда, когда натыкаемся на внешнюю обусловленность, то есть мы осознаем свою границу, потому что нас в этом месте останавливают. Это и есть внешний способ обусловливания, то есть внешний способ опознавания себя.

Внутренний способ опознавания себя и внутренняя обусловленность состоят в том, что в вас сознательно включается и выключается любой психологический механизм, независимо

от внешнего стимула. В идеале, хотя и недостижимом, все это включается и выключается только по вашему желанию, то есть внешний стимул вызывает реакцию только тогда, когда вы этого хотите, и такую, как вы хотите. Вы перестаете быть шаром с кнопками, на которые нажимают внешние обстоятельства и тем самым вызывают ответную реакцию (а если ничто не нажимает, то шар и не знает, что делать). Вы становитесь шаром, из которого ничего не торчит, – он действует, потому что у него есть движущая сила внутри. Он обусловлен изнутри.

Есть такой, немножко грубый, но очень наглядный образ: всякая работа человека над собой должна начинаться с того, что он должен добиться, чтобы четыре большие красные кнопки нельзя было нажать без его ведома. Эти четыре большие красные кнопки, с помощью которых манипулирует нами Великое Среднее, всем известны:

- ВЛАСТЬ в двух формах – в желании властвовать и в желании подчиняться;
- ДЕНЬГИ как потенциальное могущество, приобретательство или благотворительность, возможность не только брать, но и давать;
- КАЙФ как возможность переживать некоторое раздражение центров удовольствия в идеале без всяких помех (в идеале как если бы нам вживили электрод в центр удовольствия в мозгу);
- СЕКС как игры между полами, стремление обладать или принадлежать и поглощать или быть поглощенным.

Так вот, простое, даже примитивное на первый взгляд задание. Добейтесь, чтобы ни одну из этих кнопок нельзя было нажать извне. ХОЧУ – срабатывает, НЕ ХОЧУ – не срабатывает. Только когда я сам этого хочу.

Простая, казалось бы, вещь. Но я видел, как на этих четырех кнопках исполняются замечательные, виртуозные произведения. И для этого не надо знать ничего особенного в психологии: четыре кнопки, и человек делает все, что ты хочешь.

Только работая над усилением внутренней обусловленности и над образованием границ за счет вашей центробежной силы, вашей внутренней целостности и кристаллизованности, вы действительно обнаружите свои границы и только тогда сможете двигать к этим границам свою точку самоосознания. Если же вы начнете с того, что станете двигать точку самоосознания к абстрактной границе между субъективной и объективной реальностями, то вообще никто не знает, куда вы попадете, потому что эти границы описаны внешне. Человеку очень редко приходит в голову так посмотреть на себя с точки зрения своей границы, потому что, когда он внешне обусловлен, думать о границах ему незачем: они обнаруживаются в момент столкновения. Это детский прием: пока не стукнусь – не поверю. Можно пару раз стукнуться – проверить, действительно ли граница здесь. При таком варианте личных усилий не надо, можно даже обидеться на то, что она поставлена именно здесь. Можно начать призывать к свободе и расширению границ и утверждать, что все это внешнее по отношению ко мне, что это не мои границы. Это выгодная позиция: всегда можно говорить, что на самом деле Я – вон какой большой, и если бы меня не ограничивали, тогда бы я ого-го!

Но очень часто оказывается совсем наоборот, именно в силу того, что человек привык, став механическим, ощущать себя через внешнее обусловливание. И если поставить его в ситуацию вынужденного доминирования внутреннего обусловливания, он растеряется и начнет сужаться до самого маленького, потому что иначе будет чувствовать, что он расплывается, исчезает.

Работа над тем, чтобы внутренние силы были крепче, чем внешнее обусловливание, – это очень важная работа. Если вы с ней справитесь, у вас появятся по-настоящему свои границы, а как говорили мудрые древние люди: самое главное для человека – знать о своей ограниченности не в том бытовом смысле, в котором мы сейчас употребляем это слово, а

в смысле наличия у него границ. Это действительно очень важно. Есть психические заболевания, при которых человеку кажется, что его насквозь просматривают или что на него дистанционно воздействуют. У него возникает ощущение, что нет границы, что он проникаем насквозь, что его растаскивают в разные стороны. Это происходит как раз потому, что у такого человека нет внутренних границ.

Я помню период массового психоза, когда всякий мало-мальски уважающий себя человек считал, что за ним должно следить КГБ, что его телефон прослушивают и тому подобное. Это было модно, особенно в Москве. Я просто поражался: у нас такая плохая радиоаппаратура, как же они умудряются всех прослушивать? В общем, это болезнь, мания. Я решил, что с этим надо что-то делать, потому что все это ужасно заразительно, и тогда я решил создать себе установку, что меня всегда видно, всегда слышно и всегда известно, о чем я думаю. Мне один знакомый говорит: «Ты что, с ума сошел? Это же прямой путь к шизофрении, это же такая классическая болезнь, когда все время кажется, что все известно!» Мы стали разбираться и выяснили, что если у вас создана система внутреннего обусловливания, если вы уже в состоянии свои границы видеть изнутри себя, то такая установка может стать очень ценным освобождающим приемом.

Если же вы изнутри себя не видите своих границ, то есть вы обусловлены преимущественно внешне, то, конечно, такая установка приведет вас к шизофрении (если вы всерьез начнете этим заниматься). Следует помнить, что физическое, психологическое, социальное и интеллектуальное тело человека – это все вещи разные. Они имеют разные границы. Это понимание необходимо и для того, чтобы заниматься психоэнергетикой или экстрасенсорикой и вообще чем-либо выходящим за пределы примитивной деятельности шурупчика, за пределы ситуации, когда человека можно сравнить с горшком, в который поставили букет социальных функций. Вы должны понять, что человек должен обнаружить границы себя как целостности, как тотальности.

Понятно, что телесные границы легко обнаружить. Хотя это тоже понятие не однозначное. Но уже социальное тело так просто не ощущается. Социальное тело человека – это круг людей, с которыми он находится в постоянных, более или менее структурированных взаимоотношениях, причем референтная группа может быть удалена во времени и расстоянии. Интеллектуальное тело – мир, в котором человек реально себя ощущает, может быть, вплоть до бесконечности, хотя это очень редкий случай. Ваш реальный психологический мир, в котором вы живете, – это тот фон, на котором вы себя постоянно воспринимаете. Человеку, как правило, трудно осознать, на каком фоне он себя воспринимает. Иногда у художников бывают такие картины – человек на фоне чего-то. Или автопортрет в зеркале. Или портрет вне всякого фона. Это все очень интересно. Реальное тело человека рассматривается на фоне различных уровней сложности, оно гораздо обширнее, чем поверхность нашей кожи. Мой друг, который сейчас в Вильнюсе или Ленинграде, реальный человек, который думает обо мне и о котором думаю я, – это тоже мое материализованное социальное тело. Когда человек видит свои границы изнутри, он обнаруживает границы субъективной реальности и ее стык с реальностью объективной.

Бывает такой сон или полусон, когда вдруг ощущаешь, что ты как бы размазан по сфере. Мир воспринимается как нечто выпуклое по отношению к тебе. Это и есть ощущение внешней обусловленности. Это ощущение, что мир обуславливает тебя. Ты вне сферы и не можешь в нее проникнуть. А бывает, наоборот, ощущение себя внутри сферы. Тогда ты видишь свою действительную ограниченность, свои грани, свои границы. Сферу, внутри которой ты поселился. Если ты целый, но еще не тотальный, то ты сам сфера – таков наиболее чистый образ, или куб, если у тебя под ногами плоская поверхность земли. Если человек начал определяться изнутри, а его точка самоосознавания привычно находится вовне,

во внешней по отношению к нему реальности, то ситуация такова: снаружи он себя видит, а изнутри – нет.

Тогда он сам для себя будет закрытым существом и сможет описать себя только снаружи, то есть только свой внешний облик. Я напоминаю: человек штучен. В этот принцип я свято верю и стараюсь реально соблюдать его в общении с людьми. Каждый человек штучен. Поэтому мы размышляем, а не констатируем, а я вам просто показываю один из возможных способов размышления об этом.

Это не рецепт, это способ об этом думать. Мне такой способ думать кажется продуктивным, конструктивным – поэтому я и предлагаю его вам.

Не имеет смысла задавать вопрос: «Как это сделать?» У каждого будет свое. Здесь речь идет о том, какую задачу мы ставим, зачем и каким образом можно попытаться к этому подобраться, увидеть, назвать для себя самого. Это очень важно. Но если вам удалось проделать эту работу по доминированию внутреннего обусловливания, то на этом ваши возможности не кончаются (естественно, невозможно только внутреннее или только внешнее обусловливание – это уже патология, но возможно доминирование того или другого). Когда мы тем или иным способом выводим из субъективной реальности свою точку самоосознания на границу между субъективной и объективной, то есть ставим ее в нулевую позицию, мы можем сказать, что реализовали образ птицы, летящей меж двух миров. Когда это происходит, мы сразу знаем, что миры эти не просто должны быть равны – они сразу будут равны.

Как только вы выведете, как только поставите, поймаете себя в этой точке на границе, то ни объективная, ни субъективная реальность не смогут превысить по объему одна другую, и поэтому для многих первый выход в эту нулевую ситуацию оказывается большой потерей. Те, у кого была большая объективная реальность и маленькая субъективная, теряют огромный кусок объективной реальности. Он перестает быть для них актуальным. То же происходит и в противоположном случае. Вы реально переживаете ощущение потери. И действительно, как говорят все честные учителя, став на этот путь, ты постепенно теряешь все. Пока же, на этом этапе, мы теряем только часть и за счет этого перестаем быть несбалансированным существом, которое все время качается то туда, то сюда. Он то отрывается от природы совсем и погружается в мир свободного полета, то есть в субъективную реальность, где все возможно, тем самым доводя свои контакты с внешней реальностью до минимума, то бросается в обратную сторону, к избавлению от своих внутренних проблем, в мир, в котором надо жить реально, сегодняшним и опираться на реальность, надо раствориться в природе и т. д.

Как только вы выводите свое самоосознание на границу, все сравнивается и останавливается – психологически это происходит мгновенно. Другой вопрос: можете ли вы удержаться в этом положении? Это зависит от мотивации, от учения, от вас самих и от ситуации, но в этот момент ваши крылья равны. Вы можете начать теперь расти в качестве птицы пропорционально, когда любой шаг в одну сторону будет шагом и в другую, эти реальности станут в вас связанными и неразрывно влияющими одна на другую. Это практически первый выход на такое место в себе, где вы получаете возможность воспринимать взаимодействие между субъективной и объективной реальностями. Это первый серьезный шаг в любом серьезном учении.

Нам удалось вывести точку самоосознания на границу между субъективным и объективным в самих себе и ощутить себя птицей, летящей между мирами, крылья которой – это и есть пространство, в котором расположены субъективная и объективная реальности. Но потом у нас появились новые претензии, нам стало мало быть здесь и теперь, быть этой птицей, нам захотелось не просто ощущать взаимодействие субъективной и объективной реальностей, а видеть его. А для того чтобы видеть что-либо, нужно, как известно, находиться вне этого.

Можно ли вывести точку самоосознания за пределы субъективной и объективной реальностей? Можно, утверждают духовные учения. И первое, куда мы ее можем вывести, – это «ничто», то есть поместить точку самоосознания в психологически абсолютно пустое пространство, чтобы она была нигде или, точнее сказать, ни в чем. Тогда и субъективная, и объективная реальности окажутся положенными перед нами, то есть с этой точки самоосознания, выведенной в психологически абсолютно пустое пространство, мы сможем видеть обе реальности одновременно. Начинается процесс растождествления. Если это нам удалось, пусть даже ненадолго, на мгновение, то в это мгновение мы начали свой путь к другому человеку.

Вы знаете мой принцип: играть всегда на снижение. Обычно мотивация создается на том, что это следующая ступень развития человека, что это ход от человека к человекобогу. Создавать такие мотивации очень опасно. Гораздо прагматичнее иронизировать, что да, мы мутанты, и это действительно нечто другое, потому что человек, который реально, психологически реально, поместил свою точку самоосознания за пределами реальностей, как субъективной, так и объективной, – это человек, с которым произошло качественное психологическое изменение, так называемое первое просветление. В такой ситуации вы воспримете полет своей птицы как нечто доступное вашему восприятию в целом.

Переживания на этом этапе чаще всего связаны с жутким одиночеством, с единичностью, доведенной до полного самовыражения. Вы становитесь как бы чистым нулем, находящимся нигде. Но это открывает перед вами возможность научиться постепенно, путем стабилизации точки самоосознания в этой пустоте, уже не только ощущать взаимодействие между субъективной и объективной реальностями, что является, собственно говоря, главным в маге в самом хорошем смысле (любой маг отличается тем, что он как бы имеет такую точку восприятия, где субъективную и объективную реальности он воспринимает во взаимодействии). Вы также получаете возможность видеть это как целое. И в результате этого видения у вас изменяется структура действия, потому что вы видите и как субъективная реальность воздействует на объективную, и обратное воздействие, и как это все не просто. В этой точке идея личного воздействия, то есть действия от лица субъекта, уже не может существовать.

Пространство знания

Здесь может существовать только идея правильного действия. Здесь появляется понятие правильного, и сформулировано это в большинстве духовных традиций очень похожими словами: **правильное действие совершается в правильное время, в правильном месте и с правильными людьми.** Это психологически абсолютно пустое пространство носит, как многим ни покажется странным, название Пространства Знания. Поместив в него свою точку самоосознания, вы делаете доступным себе любое знание, реально необходимое вам в данный момент времени, потому что вместе с исчезновением идеи воздействия исчезает и идея запаса, ношения своего знания с собой как некоторого груза, потому что знания возникают у вас из живого непосредственного восприятия, взаимодействия субъективной и объективной реальностей. То есть в каждый момент времени вы имеете все, что нужно для данного момента времени.

Вы знаете все, что необходимо вам реально знать, то есть опознавание себя уже идет у вас не через внешнюю и не через внутреннюю обусловленность, не через напряжение между субъективной и объективной реальностями, а через знание, открывающееся вам в каждый момент времени.

Знание становится средством опознать себя реально в данный момент времени. Зеркало, в которое вы смотрите с того момента, когда ваше самоосознание было помещено

в пустое психологическое пространство, – это знание, которое реально необходимо вам для данного момента времени. Таков закон этой ситуации.

Пространство любви

Но это еще тоже не все в смысле возможностей. Следующая наша возможность – сделать совершенно противоположный, казалось бы, ход и перевести точку самоосознания из психологически пустого пространства в психологически абсолютно заполненное пространство. Это сложный ход. И на этом месте происходит колоссальное разделение, отсев, то есть мало кто это делает даже из тех, кто может. Почему? Из прекрасной ситуации в Пространстве Знания вы попадаете в ситуацию психологически абсолютно заполненного пространства, в то самое пространство, которое носит образное название Пространство Любви, где одновременно и в динамике присутствуют все и всё. И это не знание, потому что знать все невозможно, да еще в динамике, то есть, пройдя предыдущую стадию, вы уже знакомы с тем, что Пространство Знания – это знание, соответствующее правильному моменту, правильному действию в правильное время, в правильном месте с правильными людьми. Когда вы делаете (если делаете) следующий шаг и переводите свою точку самоосознания в психологически абсолютно заполненное Пространство Любви, вы теряете знание как таковое, но приобретаете глубину постижения. (Помните, я говорил, что знание и постижение – это две противоположные вещи?)

Пространство Любви – это такое место, где две вещи – это одна вещь и в то же время две вещи, то есть там вы как бы сливаетесь со всем миром в том объеме, который вам доступен, прежде всего, конечно, с живым. В то же время вы все-таки ощущаете, что это вы слились, а значит, вы все-таки слились не до конца. Но это невозможно и, в принципе, не нужно... В этом месте становится ясно, что нирвана, которую мы привыкли понимать как исчезновение, – это соблазн. Это та же смерть, только красивая. Пребывание в Пространстве Любви – это колоссальная нагрузка, потому что та любовь, которая в древних текстах называется божеской любовью, требует просто очень большого количества душевных сил. В книге «Наедине с миром» я привожу такой образ: представьте себе, что вы, простой человек, получили наконец маленькую однокомнатную квартиру, входите, а там битком набито совершенно незнакомыми людьми, и каждый кричит: «Люби меня! Живи со мной!» – и вы не имеете возможности сказать «нет», потому что уже вошли в это пространство и оно заполнено до предела. Если в Пространстве Знания ваше Я, ваша точка самоосознания находилась в беспредельной пустоте, если там вы были одни, то здесь вы не имеете вообще никакого места для себя. Пребывание в этом пространстве – это трудное дело, очень трудное.

Пространство присутствия

Но и это еще, оказывается, не последняя наша возможность. Последняя из тех, о чем я говорить могу хоть как-то конкретно, – это возможность выйти за пределы абсолютно пустого и абсолютно заполненного пространства, когда происходит то последнее, что в книжках названо третьим просветлением. Для себя я назвал это словом «Присутствие». Прежде чем идти туда, я напоминаю: в психологически пустом пространстве перед нами проблема воздействия заменяется проблемой правильного действия, а в психологически заполненном пространстве – Пространстве Любви – проблема действия не существует вообще, там не может быть действия, так как там некому действовать от имени меня. Там нет проблемы действия, но есть проблема отдачи себя потоку любви: влюбленный в Бога не действует в том смысле, к которому мы привыкли. У него нет проблемы правильного или неправильного действия, точности или неточности действий. У него нет таких категорий,

он находится в экстатическом состоянии, он растворен в субъекте своей любви. Когда говорят: «Пусть они сгорят в огне нашей любви», это отражает иную идею действия. В этом пространстве действие – сгореть, оно возможно только как импульс, как резонанс, то есть там возникает проблема резонансного бытия. Импульс найден – и все. Никаких других критериев Истины, кроме прибавки или убавки энергии, там нет. Есть Импульс, резонанс есть, все, пошел. Как бы безумно это ни казалось.

Если в Пространстве Знания у нас еще есть проблема: правильное время, правильное место, правильные люди, то в Пространстве Любви никаких таких проблем нет – это пространство веселых сумасшедших. Импульс есть закон, и весь этот путь есть Сошествие с Ума, не сумасшествие, а восхождение к безумству. Но это, оказывается, тоже еще не все. Если вы не стали просто сумасшедшим, то у вас остается следующий шаг, еще один шаг, еще одно движение. Вы можете вывести свою точку самоосознавания за пределы абсолютно заполненного и абсолютно пустого, и тогда вы попадаете в пространство, которое я для себя определяю как Пространство Присутствия, или Всепроникающее пространство.

Об этом очень трудно найти слова. Помните, у Сэлинджера есть рассказ про необыкновенного мальчика, который смотрел однажды на свою сестру, пьющую молоко, и увидел, как Бог льет Бога в Бога, или, как говорил один мой товарищ, Слово о Слове, обращенное к Слову. То есть он увидел, как реализуется некое триединство, которое в разных культурах по-разному мифологически и образно оформлялось. Если взять христианскую традицию – Бог Сын, Бог Отец и Бог Дух Святой, – то это пространство духовного присутствия. (Надеюсь, мы все помним, что все это происходит в нашем сознании.) И когда вы выводите свою точку осознания в это место, у вас появляется новое отношение к действию: вместо понятия правильного действия появляется понятие реального действия.

Появляются проблема реального действия и понимание того, что реальное действие совершается реальностью, то есть вы получаете возможность воспринимать себя тотально, возможность действительно воспринять мир как часть себя и себя как часть мира. Уже не просто целостно, а тотально. И конечно, когда в этом месте вы будете говорить: «Я», вы будете вкладывать в это некий объем, в принципе чуждый тому человеку, стоящему в самом начале пути, о котором мы сегодня начали разговаривать. Хотя все это путешествие происходит в вашем сознании. Как написано в Книге мертвых: «Не забудь!» – не забывайте, что все это – проекции вашего сознания.

Но что такое сознание? Ваша реальная ситуация в реальном мире изменяется, и по мере ее изменения вы постепенно постигаете, что преобразование, проведенное вами в идеальном, психическом, привело к тому, что вы изменили свою ситуацию в мире реальном, свою линию в этом мире и свою систему отношений с ним. И вам уже ничего не нужно: ни Я-Другой, ни Я как Мы, ни сложной системы самоотождествления, поддержания Я как Я, потому что ваше самоосознавание неразрывно вплетено в ткань реальности, и, говоря «Я» или «не Я», вы не обнаруживаете этого раздела в самоосознании. Вы обнаруживаете там принципиально другой способ самоосознавания, не за счет оппозиции Я – не Я. До этого места она существует везде, но постепенно истончается, а к этому месту исчезает как ненужная. Наступает то резонансное взаимодействие между субъективной и объективной реальностями, в котором вы присутствуете. И это Присутствие и есть вы.

Целевое бытие. Тотальное бытие

Целевое бытие есть движение, тотальное бытие есть Присутствие. В целевом бытии я сознаю себя движущимся от... к... Я осознаю себя как некую мировую линию, или как линию просто географическую, или как линию достижения, или как линию реализации. Это

всегда линия, траектория, которую я могу видеть хотя бы задним числом. В целевом бытии есть некая устремленность к чему-то.

Тотальное же бытие очень похоже на хаотическое. В хаотическом бытии, как известно, траектории нет, а есть беспорядочное движение, есть ощущение движения, есть его образ. У человека есть иллюзия, что он движется куда-то. А в тотальном бытии у него есть Присутствие.

Присутствие потому и трудно описать словами, что язык приспособлен для выражения последовательности: для того чтобы что-то описать, нужна дискурсивность. Также тяжело понятие присутствия передается и образом, картинкой или даже голограммой. Не я первый, не я последний пытаюсь передать его словами.

Тотальное бытие наступает тогда, когда вы уже пришли, когда вы дома, когда вы встретили себя и мир, когда вы это пережили. Я думаю, что с субъективной стороны, изнутри – это некое постоянно присутствующее переживание, которое имеет начало, но не имеет конца. Это жизнь в переживании, внутри него. Это подобно ощущению, что вы вошли в событие, зная, что оно никогда не кончится и что оно началось задолго до вас, задолго до того, как вы туда вошли. Это событие и есть ваш дом.

Возможность увидеть это с объективной стороны, со стороны наблюдателя зависит от его инструментальной вооруженности, от разрешающей способности его инструментов. Закон простой: степень погрешности определяется качеством инструмента. Как происходит опознавание? – как-то происходит. Для описания этого процесса нужно сочинить специальный язык.

Например:

Движение целого в целом в точке координатора посредством ноль перехода.

Может быть, для верующих это прозвучит из моих уст несколько дерзко, но мне кажется, именно это и имел в виду Иисус, когда говорил: «Царствие Божие внутри нас». Я думаю, что в то время, в той ситуации и на том языке адекватно было передано, что внутри нас есть определенная возможность, которая дает некое иное качество всей психической жизни и всем ее составляющим.

Это качество не является вещью, приобретением или умиротворенным покоем, когда вообще ничего не надо делать. Нет. Оно дает прикосновение к бытию, дает постоянное чувственное восприятие его. И когда это есть, появляется система ценностей, которая дает возможность воспринимать, думать и чувствовать абсолютно все как часть всего мироздания, в том или ином объеме. Ничего в тебе не возникает отдельно, как обычно это человеку дается за счет помещения в до различной степени огороженные пространства. Тут никакого огороженного пространства нет, и поэтому в этом состоянии трудно общаться, так как человек нестандартно видит мир и людей, а говорить об этом нельзя, так как скажут, что сумасшедший. Знаете, как обычно говорят про шизофреников: у них своеобразный сложный внутренний мир. И как объяснить то, что ты видишь?

Есть такой способ бытия, где принципиальная дихотомия, на которой у нас все строится, и принципиальная двойственность – Я – не Я, Мы – не Мы – снимается. Вы видите – да, это свет, а это тьма, это я сам, а это весь мир, но в то же время это что-то одно. Вы оказываетесь в месте, где две вещи как одна вещь, оставаясь в то же время двумя вещами.

Сложность состоит в том, что субъекту, находящемуся в состоянии тотального бытия, это все равно. Если перевести его состояние на наш язык, то можно сказать, что он просто об этом не знает и у него нет никакой потребности это изучать. Он знает только, что проявляется и что для того, чтобы все проявлялось правильно, нужно сделать то-то и то-то. Но никакого предварительного замысла для этого у него нет. У субъекта нет замысла. Но есть

ощущение колоссальной сложности того, что есть реальность, и доверие к этой реальности. Поэтому его мотивация строится не от замысла и не от цели, как у нас, а от включенности в реальность, от пребывания, взаимоотношения и любви между субъектом и реальностью. Он просто знает, что если сделать нечто в определенное время, то все точно будет хорошо. Хорошо – в смысле реально, потому что реальность это и будет делать. Ты соучаствуешь в жизни реальности. Ты не можешь ею управлять – это глупо. Ты не можешь ее формировать – это тоже глупо.

Когда тебе открывается вся сложность – это ведь страшно, потому что ты понимаешь, что твое Я и это все – целое. Но когда ты понимаешь, что да, твое Я и это все – это целое, то тогда очень хорошо. Если можно применить такое слово – хорошо. Просто полно. Зачем куда-то идти, если есть дом?

Духовные пути

Прежде всего у каждой живой духовной традиции существует убежище. Оно предназначено для людей, которые думают, что хотят духовного пути, а на самом деле ищут просто защиты. В чем отличительный признак любого убежища в любой традиции? В том, что структурно и описательно мир, предлагаемый в убежище, гораздо проще той жизни, которой живут большинство людей. Он легко описывается десятью заповедями, четырьмя правилами и т. д. Он прост, понятен и не требует никаких особых усилий в себе самом и в своем описании, он заведомо содержит плюс-подкрепление, там заведомо хорошо быть. Это простая система ценностей: белое легко отличается от черного и т. д.

Любой человек, ощущая необходимость в убежище, находит его и прекрасно там себя чувствует. Большинству людей другого и не надо. Просто в силу тех или иных причин человек не выдерживает сложности жизни, в которой живет: он не в состоянии с ней справиться, он не вооружен для этого, не имеет достаточной квалификации, здоровья или еще чего-нибудь.

Большинство людей именно эти убежища и принимают за духовность, духовные пути и духовное сообщество. Но на самом деле это внешний двор, так называемая экзотерическая часть. Это двор, открытый для всех, кто приходит искать убежища. Если же человек действительно рвется к чему-то неведомому, на ту сторону, если он хочет другой жизни, которая во много раз сложнее этой, потому что там требуется больше активности, ответственности, самостоятельности, творческого напряжения и риска (вплоть до смертельного), а также физического, духовного и душевного напряжения, если в нем действительно обнаруживается такая смыслоустремленность, тогда перед ним открывается двор посвящения и вступает в силу закон: ученик готов – учитель появляется. Такие люди встречают то, что им положено встретить. Это первое, что нужно ясно понимать и чего почти никто не понимает или понимать не хочет.

Всякий духовный путь в любой традиции ведет к жизни во много раз более сложной, во много раз более трудной, во много раз более ответственной.

Чем дальше вы продвигаетесь по пути, тем сложнее. Легкость, радость появляются не оттого, что вам стало просто, а оттого, что вы приближаетесь к тому, к чему вы устремлены. Почему же один человек устремляется, а другой – нет? Об этом я ничего не могу сказать, кроме того, что существует такой факт: на шестьсот домашних свиней приходится всего пять-шесть особей с доминированием исследовательского рефлекса над ориентировочным, а на двести голов диких оленей имеется двадцать таких особей. Про людей данных пока нет, но, скорее всего, результат будет примерно средним между тем и этим. Возможно, поэтому это так сложно.

Существует ли возможность выбора пути? Я думаю, что она как бы существует и как бы нет. Вопрос в том, кто кого находит. Я думаю, что скорее путь находит человека, чем человек – путь, хотя, с другой стороны, это может быть резонансное взаимодействие, потому что невозможно создать описание, согласно которому можно было бы найти человека для данного пути. Но иллюзия перебора путей есть, это точно. Давайте попробуем более внимательно рассмотреть эти четыре варианта духовных путей.

Пути воздействия. Это большой блок различных традиций. Их объединяет то, что главное технологическое, техническое действие на этих путях – воздействие на объективную реальность в различных вариантах.

Соответственно это путь силы, путь ее формирования, добычи, использования и управления ею. Эти традиции в большинстве своем очень популярны, потому что они созвучны с нашим западноевропейским стилем мышления. Мы привыкли, что надо обязательно воздействовать на мир, и тогда в нем что-то будет происходить, а если не воздействовать, то это пассивное отношение.

Наверное, самые популярные из тех, кто выбирает этот путь, – это маги. То, что описывал Кастанеда, – это рассказ об одном из путей силы.

Наверное, главное, в чем необходимо разобраться прежде всего, – качество традиции. Дело в том, что сила – вещь очень опасная для того, кто вступает с ней в контакт, она требует очень высокого знания необходимой последовательности действий во времени. Все серьезные пути требуют не менее девяти лет. Это общеизвестно. Девять-десять лет – это только чтобы начать, подойти – в серьезном учении. Быстрее не бывает.

Конечно, многим кажется, что воздействие – это возможность лечить, телекинез, прохождение сквозь стены, левитация и прочее. Нам это понятно, ведь мы привыкли к психологии воздействия. Но должен вам сказать, что в физическом смысле это очень рискованный путь, очень много людей гибнут, физически гибнут: заболевают, умирают, сходят с ума. Чем выше степень, чем дальше человек продвинулся по такому пути, тем он должен быть все более безупречным в профессиональном смысле слова, потому что имеет дело с силой. Малейшее неправильное движение – и сила его раздавит. Сила требует ювелирного приложения, безукоризненно точного прицела, если человек действительно на пути, а не в убежище одного из путей силы. Потому что чем дальше люди продвигаются по пути, тем менее заметными они становятся. Они стараются быть очень незаметными, очень аккуратными, потому что рукой махнет – улица, отмахнется – переулочек. И идущий это знает, помнит. С ними очень приятно общаться, потому что они предельно собраны. У них все четко, нет ничего лишнего, все отточено до совершенства.

Пути медитации, пути погружения, пути покоя. Эти традиции – это путь в глубины своей субъективной реальности.

Основное технологическое действие – медитация, то есть покой. Прежде всего покой, тишина и т. д. И конечно, ни о какой силе, ни о каком воздействии речи там нет. На этом пути мудрец, не выходя из дома, знает, что делается в мире. Это тоже достаточно популярная группа традиций.

Медитация – специальный способ жизни для достижения специальных целей. Прежде всего это умение хранить покой, находишься ли ты в уединенном месте или среди базара, торжища – ты должен быть погружен в ничем не поколебимый покой. Это пути внутренне, и они очень спокойны. Хотя «спокойные» – это не совсем то слово. Некоторые люди начинают нервничать рядом с ними: их раздражает немислимое, фантастически устойчивое нечто, а некоторым они просто кажутся холодными. И такое впечатление можно понять: вокруг вулканы, атомные бомбы взрываются, а он так тихо и спокойно сидит...

Но если вы вступаете с ними в контакт, а не просто любуетесь, то для большинства из вас они кажутся сверхжесткими людьми, потому что их доброта находится за пределами нашего понимания о добре. Если же сумеете встроиться, войти в резонанс с этим состоянием, потрясающим своей глубиной тишины и покоя, то тогда, в молчании, что-то начнет взрываться и открываться внутри вас, происходит нечто...

Пути интеллектуальные, хитрые, пути управления.

Эти пути, на которых главное технологическое действие – это умение видеть ситуацию и управлять ею.

Особенно много таких традиций происходит из Тибета и существует там.

Правда, это не совсем то же самое, что мы привыкли понимать под словом «интеллект». Будда говорил, что за одно мгновение, то есть за одну двадцатую секунды, он отслеживает десять тысяч мыслей – там включаются особые формы владения интеллектом, включается высший интеллектуальный центр, скорость работы которого действительно в десять тысяч раз быстрее.

Здесь важно, что человек работает с ситуациями в таком интеллектуальном режиме, который для нас вообще немислим.

Самое сложное на этих путях – компенсация. Во время развития на таком пути эмоциональная сфера почти не задействована, и чтобы человек не свихнулся, а действительно прорвался, используются очень сложные механизмы уравнивания со стороны тела и со стороны эмоций. Все нужно привести в гармонию, поскольку человек – целостная вещь. И у этих путей имеется отточенная техника приведения в нужное соответствие всех компонентов психики.

Пути трансформации. Об этих путях известно очень мало потому что они, как правило, не канонические, то есть там не существует канона, который задается ученику на первом этапе пути, как это делается во всех других традициях (канон в канонических учениях – это не цель, а способ подготовки ученика, первый этап его обучения. Когда ученик реализует канон, начинается, собственно говоря, настоящее обучение, а канон – это способ введения, подготовки).

В трансформационных традициях канона обычно нет, потому что там чаще всего действует принцип «время, место, люди». Сама традиция, то есть формы ее реализации, тоже трансформируется в соответствии с изменением реальности и с местом, где она вживляется, и поэтому в основном передача идет устно, в особенности на первых этапах.

Есть такой принцип: посылка может прийти в любой форме, когда ты учишься отличать свои собственные проекции от реальных происшествий.

Эти пути очень опасны тем, что там все на риске с самого начала. Поэтому многие эти варианты пробуют, но мало кто погружается в них всерьез.

Представьте себе такую задачу: человека надо полностью, до основания, «разобрать», и при этом он должен сохраниться, то есть не сойти с ума и не умереть. Параллельно его начинают «собирать» по новому плану. А самая главная и самая сложная работа – это разборка и переделка механизма самотождественности. Это просто колоссальная «штуковина», имеющаяся в каждом из нас, а ее нужно убрать почти полностью.

Растожествление – тоже весьма сложная задача.

В основном, как говорится, в миру эти традиции укладываются приблизительно в такие названия, как дзен-буддизм, некоторые ордена суфизма и хасидизм. Еще есть сказка «Конек-Горбунок»: помните, как Иванушка-дурачок прыгнул в котел с кипящей водой и трансформировался? Вот так приблизительно все это и происходит, только растянуто во времени.

Что отличает все трансформационные учения, что в них общего? Тотальность. Главный технический прием в них – достижение тотальности.

В этих традициях прослеживается такая последовательность: механическое бытие, целевое бытие, целокупное бытие и тотальное бытие. Также в них есть три стадии движения от целевого к целокупному и от целокупного к тотальному: мир Знания, мир Любви и мир Присутствия.

Безусловно, в какой-то степени в трансформационных путях отражаются элементы всех путей. В них обязательно нужно пройти искуc силой, искуc погружением, то есть настоящей глубинной медитацией и переживанием глубинного покоя, и искуc хитрого человека, то есть искуc управлением. Конечно, все эти искуcения могут проявиться не в полной мере, но достаточно для того, чтобы вы смогли убедиться, что находитесь действительно там, где хотели быть.

* * *

На всех путях плата – это жизнь. Все эти дороги – без возврата, везде вы расплачиваетесь жизнью. Никаких других денег ни один духовный путь не признает. Только жизнь в самом прямом смысле этого слова, потому что практически во всех четырех вариантах традиций одно из главных событий обучения состоит в том, что вы растождествляетесь с жизнью. Жизнь для вас становится внешним объектом, вашим произведением и полем действия, вы уже не находитесь в ней, а делаете ее.

На словах это что-то непонятное. Но эта цена неизбежна. Это действительно пути без возврата. Тебе каждый раз сообщают, что если ты сделаешь этот шаг, то ты назад не вернешься. А если ты не сделаешь этот шаг, то ты уже на путь не вернешься. Это с неизбежностью, потому что все это серьезно, все это требует больших затрат труда, большой точности и везения, наверное, тоже.

Ученичество на духовном пути – это вся жизнь, и совсем неважно, находитесь ли вы рядом со мной, если считаете меня своим учителем, или за тысячу километров. Нет никакой разницы. Учитель вас услышит, не волнуйтесь. Это не так трудно, как кажется, это как раз просто.

Трудно в словах что-то рассказать, это трудно, безумно трудно.

Учеником становятся не только потому, что решают стать учеником. Это какое-то сокровенное событие. Иногда к этому нужно долго-долго готовиться, то есть долго-долго идти, пока наконец не почувствуешь, что стал учеником, а иногда это происходит внезапно, как первая любовь.

Ташкент – Вильнюс, 1989–1990

Часть вторая. Духовность как способ жить

Идея духовности

Я расскажу вам

Пошел я в драмкружок в Дом пионеров с седьмого класса. И тут началась у меня тяга к совершению всяких антиобщественных поступков. Был у меня приятель Юра, сын директора библиотеки Вильнюсского университета. Звали его всегда почему-то Гуля. И вот мы с Гулей занялись таким интересным делом – мы воровали цветы. Правда, мы никогда не трогали сад человека, который выводил разные новые сорта.

Мы достигли в этих кражах фантастического совершенства. Вершиной был такой поступок: накануне какого-то школьного вечера я поссорился со своей подругой – Леной. У нее одна нога была короче другой после полиомиелита. Мы с ней очень дружили, и все думали, что у нас роман, а я просто приходил к ней, и мы шли гулять. Она – на свидание в одну сторону, я – в другую, а потом стыкуемся, и я ее сдаю родителям. Мы очень дружили. Помню, у них был такой домик, сад, а под окнами стоял стол для пинг-понга, и мы под оперетты играли в настольный теннис. Я тогда выучил наизусть огромное количество оперетт. Она очень любила оперетты, проигрыватель стоял на окне, пластинки крутились, а мы играли в пинг-понг. И вот я ее чем-то обидел, мы поссорились, и я думаю: как-то надо извиниться. Тогда мы с Гулей отправились на площадь Ленина, напротив КГБ, где вокруг памятника в середине постоянно ходил милиционер, подкрались к памятнику с задней стороны по-пластунски с садовыми ножницами и вырезали 56 роз.

На следующий день был школьный вечер. И вот когда между танцами была пауза, девочки сидели у одной стены, а мальчики – у другой. Гуля ногой открыл дверь, и я с этим букетом прошел через весь зал, бросил это все Ленке к ногам, встал на колени и сказал: «Прости меня, пожалуйста, я тебе нахамил», после чего развернулся и ушел.

Надо сказать, что это так подействовало на общественное мнение, что это стало моим первым серьезным наблюдением за жизнью социума. Ни на следующий день и никогда после, даже после того, как я закончил школу, тогда уже вечернюю, ни один учитель, школьник или даже одноклассник ни разу, никаким образом не упоминал при мне это событие. И тогда я задумался: оказывается, можно совершить действие, которое будет как бы забыто, причем всеми. На следующий день я пришел к Ленке домой, и наша дружба продолжилась. Но и она, что самое интересное, ничего не сказала о цветах. Как будто этого не было.

Вообще с цветами много интересных историй. Я был влюблен в одну девочку старше себя в драмкружке, а она так снисходительно ко мне относилась. Жила она в доме рядом с горкой – от горки до ее окна было метров пять. Была поздняя весна, тепло, и ночью мы вырезали пионы около Дома дружбы с зарубежными странами. Мы все делали культурно – у нас всегда были с собой ножнички, и мы ничего не ломали. И я той девочке в окно спальни через форточку накидал штук тридцать цветов. На следующей репетиции я ждал, естественно, ее реакции... «Это ты?» – спросила она. «Может быть...» – гордо ответил я. И все. Это меня тоже очень удивило – почему?

Что еще я помню? Помню, как сломал себе кисть и ходил с шиной, а в Доме пионеров должна была быть премьера спектакля «Звездный мальчик», где я играл ужасного злого волшебника. А меня закрыли дома. Но это был всего-навсего первый этаж, и, естественно, я ушел через окно. И что запомнил: стою за кулисами, снимают с меня шину – больно. Выскакиваю на сцену – ничего не болит. Выскакиваю за кулисы: «А-а-а-а!» Великая сила искусства тогда пронзила меня.

Потом как-то мне мама сказала, что, когда мне было четыре года, мы были всей семьей в кино и смотрели какой-то фильм с Игорем Ильинским, и я уже тогда сказал, что я буду как он. Но сам я этого не помню. Я по-прежнему много читал... ну, это у меня было хобби, я очень любил читать. Еще одно воспоминание: я дома, никого нет, я лежу на диване – то ли ангина очередная, то ли еще что, и я вдруг открыл замечательное занятие, стал какими-то внутренними манипуляциями делать так, что стол, который стоял метрах в двух от меня, то как будто бы уходил далеко-далеко-далеко и становился маленьким-маленьким-маленьким, то делался огромным и чуть не налезал на меня. Вот такое странное развлечение.

Помню, как в конце седьмого класса писал выпускное изложение о Мцыри. Писал два урока литературы, потом мне разрешили захватить на это урок химии, а потом еще и урок физики. В общем, писал четыре урока, и изложение заняло целую ученическую тетрадь. Очень мне нравилась эта поэма...

После седьмого класса, на летних каникулах, я через Юрку договорился с его отцом, чтобы немного подработать. Ах да, тогда же, где-то в седьмом, по-моему, классе, был случай, когда моя мама попала под суд. Она была бухгалтером месткома и не умела отказывать начальству, которое брало деньги «на время» и не возвращало. У нее накопилась большая недостача, и она пошла к своей подруге – главному бухгалтеру завода, с сыном которой сидели мы как-то на крыше дома на самом краю. Очень любил я по крышам лазить. Пришла мама попросить совета, а на следующий день подруга провела у нее ревизию. Подруга! Как она объясняла: «Это чтоб тебя, Тоня, спасти». Был ужасный суд. Мама все взяла на себя, никого не назвала. Страшный приговор, пять лет тюрьмы. Вот отчего жизнь изменилась, да. Потом мама подала на апелляцию. Приехала моя тетя. Талантливейший продавец, она продала все, что было у нас в доме. Отец от нас тут же отселился.

Помню, как тетя Нюра стояла перед ним на коленях и просила помочь, а он что-то ей отвечал, типа «Не могу, принципы не позволяют», наверное, это был «Робеспьер» по типу информационного метаболизма, он славился своей неподкупностью. Позже, в больнице – я лежал во взрослом отделении всегда, как хулиган и при этом сын прокурора, – один мужик выяснил, кто я, и спросил, как мы живем, а потом сказал мне: «Ну и дурак твой отец – мы ему предлагали – он не взял, ну так мы другому дали». Но я помню, что очень гордился отцом. А потом он из принципа отселился от нас. Ну как отселился – жить продолжал в этой же квартире, только в отдельной комнате. Маму один хороший человек взял на работу, несмотря на то что еще ничего не было известно, и она пошла работать секретарем-машинисткой. А я стал продавать свою коллекцию марок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.